

О. Сольви
ПОБЕДА НАД БЕЗДНОЙ

12+

Разведка не сдается никогда

Ольга Сольви

Победа над бездной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68031626

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-92026-2

Аннотация

В основе сюжета – реальные события. Между спецслужбами великих держав идет психотропная война, цель которой – контроль над сознанием противника. Гонка исследований человеческого мозга приобрела невероятную интенсивность. Лучшие специалисты двух стран, известные и авторитетные ученые и врачи активно работают над проблемой управления личностью с военными целями. Русский офицер разведчик Игорь Сгорин был вынужден вернуться из США в Россию. Ради установления контроля над его разумом была осуществлена имплантация чипа в мозг. Повесть посвящена потрясающему поединку героя тайной войны, чьи свершения долго хранятся под секретными грифами.

Содержание

Глава 1. Возвращение	6
Глава 2. Игорь	8
Глава 3. Начало	10
Глава 4. Долг перед природой	14
Глава 5. Подготовка	18
Глава 6. Русский герой Анголы	20
Глава 7. Олег	25
Глава 8. Пароль к подсознанию сломан	28
Глава 9. Ловушка для мыслей	30
Глава 10. Невероятные результаты	39
Глава 11. Победить или погибнуть	45
Глава 12. Он исчез	49
Глава 13. Мозг против смерти	53
Глава 14. Парадоксы	58
Глава 15. Обладать информацией	62
Глава 16. Уничтожить мотивацию и управлять	68
Глава 17. Историческое обнуление	74
Глава 18. Обреченный на поединок	78
Глава 19. В отдаче себя	81
Глава 20. Жертвовать или освободиться	85
Глава 21. Сбросить ответственность	97
Глава 22. По чужому сценарию	99
Глава 23. Бегство	105

Глава 24. Проникающее ранение	109
Глава 25 . Мозг против сознания	111
Глава 26. Темноты нет, есть недостаток света	116
Глава 27. Живу ли я?	119
Глава 28. Два сознания – смертельный мираж	122
Глава 29. Квазиустойчивость – выход из пустоты	126
Глава 30. Навязанная зависимость	132
Глава 31. Пройти личный маршрут	137
Глава 32. Что значит жить?	146
Глава 33. Он стал бы самым дорогим	152
Глава 34. Полнота жизни	156
Глава 35. Проверка на подлинность	161
Глава 36. Я могу, значит, я должен	163
Глава 37. Треугольник жизни	166
Глава 38. Бездна вызывает к бездне	169
Глава 39. Треугольник жизни	172
Глава 40 . Сердце и небо	177

Ольга Сольви

Победа над бездной

*Научно - нефантастическая и реально – немистическая
повесть*

Моему Учителю посвящается

Каждому человеку подарено великое чудо – его мозг

Глава 1. Возвращение

«Колочая тишина. Пронзающая, надвигающаяся. Еще миг и затащит к себе, откуда уже не выйти. Сбросить ее, как саван, скорее! Выбраться! Что со мной? Кто я? Я живу или нет? Какой холодный пол... Кровь. Моя? Почему так страшно? Я дышу. Значит, живу?

Подняться и идти! Я могу, могу... Медленно, спокойно. Голова... Как жжет! Всё, встаю. Что там, за дверью? Сейчас, потихоньку. Звон уже тише, и кругов розовых меньше. Надо устоять. Почему не за что уцепиться?

Помню, я помню! Соня! Она меня ждет. Я Олег!? Где я? Аэропорт... какой? В Бостоне или Нью-Йорке?

Кофе, телевизор в баре, еще один самолет... Дальше! Меня уже ждали, кажется, трое. Кто они? Что было после? Массаж, ванны... Какие ванны, что за бред? Я же майор.

Майкл был в аэропорту. Зачем? Он не должен был там появляться ни при каких обстоятельствах. Значит, провал? Дальше, дальше! Подошли те трое... Потом красный гул, который сжимал голову, горело в глазах, колокола...

Мне надо вернуться к Соне! Но как? Я Олег, Олег Сгорин. Так, уже хорошо, будем жить. Я знаю, кто я!

Тяжеленная дверь... Как режет глаза от яркого солнца! Весна? Наверное, лето: зелени сколько. Кровь на руке, отку-

да? Люди. Наконец-то! Сесть на лавочку и подумать, о чем их спросить. Больничный городок, вот это что! Врачи, сестры...»

– Не ска-а-скажете, какой это корпус?

– Не знаю точно, третий, по-моему. Что, голова закружилась от солнца с непривычки?

– Да, напутал что-то.

– Какой вам нужен-то?

– Пя-я-тый.

– Так он на выходе, там, в конце парка, где лавочки синие. Вчера только красили... Да, обидно в такую погоду в больнице валяться. Сейчас бы на природу! Лето в этом году раннее.

– Да... Со-олнца мно-мно-го!*

«Почему говорить так трудно? Надо же, какой уголок райский! Бывает ведь такое. Как после смерти в жизнь... А Соня, она знает, что я в больнице? Какой растрепанный врач выбежал на порог! Ученый-фанатик, наверное...»

– Игорь, ты в порядке? Зачем ты вышел? Мы всё приготовили, а тебя нет. Слышишь меня? Ну хватит крутить головой, я к тебе обращаюсь, Игорь! Да, ты. Помочь? Ну, давай вставай. Пошли, уже ждут тебя все.

– Я не Игорь. Вы оши-и-блись.

– Да? А кто ты?

– Олег. Меня с кем-то...

– А-а... ну пойдём, пойдём. Сейчас разберёмся. Голова не кружится? Дойти сможешь? Нам сюда.

Глава 2. Игорь

В большом кабинете, напичканном оборудованием, было двое врачей: располагающей внешности женщина, по виду профессор, и мужчина средних лет, который сосредоточенно с ног до головы осмотрел вошедшего, назвавшегося Олегом.

– Присаживайся. Ну и напугал ты нас, беглец! – сказал тот, кто привел парня.

– Откуда у вас кровь на плече? Что случилось? – спросил врач со сверлящим взглядом.

– Не знаю. Не бо-о-лит, только ломит, мо-ожет, я упал на него.

– Раздевайтесь, ложитесь. Свет сюда направьте! Так больно? Давайте на снимок.

– Готово, Алексей Васильевич.

– Ну посмотрим, что там... Игорь, а вы полежите пока.

Все трое стали рассматривать снимок. Алексей Васильевич срочно вызвал какого-то Илью. Им оказался молодой и энергичный не то доктор, не то айтишник, который принес накопитель с информацией по образцам.

– Ничего удивительного. В принципе, мы так и предполагали, – сказал он, глядя на снимок, – надо только понять схему. А почему в этой проекции решили снять?

– Да кровь на плече ниоткуда и сустав ломит, – сказал

Алексей Васильевич.

– А... Ну это вам повезло! А опознавать когда будем? – энергично встряхнув головой, спросил Илья.

– Да вот уже и начинайте. – Алексей Васильевич подошел к лежащему. – Игорь, мы сейчас проведем короткую процедуру. Сфотографируем на память твой мозг. Ты спокойно лежи и не волнуйся! Чувствовать ничего не будешь. Договорились? Давай, – сказал он, нажимая на кнопки.

Тело бесшумно уехало. Все четверо придвинулись к монитору, и тот, кто привел Игоря в кабинет, с нескрываемым интересом принялся делать срезы.*

Глава 3. Начало

Солнце уже садилось. Густо насыщенный ароматами зелени закат мягко скользил по открытым окнам, оживляя стены профессорского кабинета розовато-золотистыми мазками.

– Наталия Ивановна, что скажете? – спросил «ученый-фанатик».

– Вы знаете, Женя, такой случай у меня впервые. Очень интересно! – произнесла она с чувством гурмана накануне погружения во вкус. – Работы непочатый край. Давайте договариваться, как действовать дальше. По-видимому, придется решать вопрос о его длительном пребывании здесь... Но все-таки я настаиваю на переводе в другие условия. То, что он сегодня упал и потерял сознание, а потом вышел из корпуса – это же огромный риск! Я несогласна с такой методикой.

– Да зря вы так волнуетесь, Наталья Ивановна, дорогая, – сказал Алексей Васильевич. – Всё под контролем и фиксируется на камеры. Выйти с территории ему никто бы не дал. К тому же это стало еще и дополнительной проверкой: на слова «синие лавочки» он не среагировал. Но, видите, вдруг назвал себя Олегом. А это уже дополнительная информация, которой нам так не хватает.

– Послушайте меня! – по лицу Наталии Ивановны, явно красивому в молодости, пробежал гневный румянец. – Мы пока ничего не можем спрогнозировать. Ситуация неотработанная, статистики нет. Вы понимаете, что все отдаленные результаты – это тайна, и думаю, мрачная. Я категорически против рисков, которых можно избежать. Скажите, разве у вас был прогноз его состояния после падения? Он мог удариться головой... Нет! Давайте выработаем программу исследования, которая была бы непременно щадящей, максимально щадящей в этом случае. Неужели вы не понимаете, что мы можем погубить его окончательно? Почему он после падения называет себя Олегом? У нас новый провал, а могли бы и не иметь его.

– Согласен, конечно. Но, поверьте, его глубокий обморок никто не планировал. Просто мы не стали вмешиваться. Он начал приходить в себя и, согласитесь, момент был чрезвычайно важным. Его память могла вывести нас хотя бы на что-то... – Алексей Васильевич недовольно вздохнул. – Относительно плана: чем скорее согласуем, тем лучше. Сейчас Игорь на лечебном сне. Пока, кроме релаксирующей программы, ничего не делаем. Что дальше – давайте решать.

– Хорошо, нам придется продвигаться очень аккуратно и медленно. Это стратегически важно! Здесь, я думаю, метод скачков если и будет полезен, то значительно позже, – прозвучал негромкий, но твердый и не терпящий возражений голос Наталии Ивановны.

– Ничего не имею против. Хотя меня уже несколько раз дергали по результатам, – и Алексей Васильевич как бы в подтверждение своих слов нервно качнул головой.

– Давайте так. Я забираю его к себе, а всех, кто будет названивать, – сказала заслуженный профессор, указав пальцем вверх, – переадресовывайте.

– Да нет, к сожалению, все не так просто. Мы не можем перевести его в другое место. Это, во-первых. И, во-вторых, боюсь, у нас не может быть даже притязаний на какую-либо свободу в этой работе, вы же понимаете... Полный отчет о мельчайших деталях со всеми сопутствующими, – Алексей Васильевич не скрывал раздражения.

– Мне кажется, что расстраиваться из-за неизбежного кураторства не стоит. Наша задача – провести исследование, а желательно, и лечение. Кто нам в этом помешает? И потом... Тема настолько серьезная, что без совместных усилий наша работа не будет полной, а, значит, и результаты могут быть искажены. Юрий Максимович сказал мне, что все данные по сходному случаю будут в нашем распоряжении, к завтрашнему утру их подготовят, – успокаивающим тоном произнесла Наталия Ивановна. – Давайте решать с алгоритмом. Проблема, думаю, понятна.

– Илья, утром жду выводы от вашего отдела. Евгений, а вам, – строгий контроль за Игорем. Пока оставляем его на релаксе. Всё. Вы свободны. А мы тут подумаем, как быть дальше, – директорским голосом сказал Алексей Васильевич

и сосредоточенно начал раскладывать на столе многочисленные графики.

Глава 4. Долг перед природой

Fatam curant multi, pauci conscientiam (лат.).

Многие заботятся о славе, но немногие – о совести

«Какая тихая и спокойная ночь!» – проснувшись, Игорь с удовольствием смотрел на звезды, лежа на кровати, и удивлялся своему умиротворенному состоянию. Голова не беспокоила; можно вытянуться и ни о чем не думать. Было легко, как в детстве...

«Как же называлась та книжка, в потрепанном картонном переплете? Мама не раз говорила, что она не для детей: «Подрости сначала, сейчас все равно не поймешь. Что ты хочешь там найти, что-нибудь сказочное, да? Или уже решил стать космонавтом?» Страницы были пожелтевшие, с запахом, как у всех старых книг. А что было на обложке? Ракета, наверное, или космический корабль. Нет, кажется, облако, странное и мохнатое, похожее на медузу. Вспомнил! Спираль яркого металлического цвета на чернильном фоне звездного неба, да. Она называлась «Найти Землю»...

– Мама, я ведь уже большой, ты сама мне говорила.

– Конечно. Просто книжка недетская. Это научная фантастика, понимаешь? Сначала тебе надо немножко повзрослеть, почитать разные книги; и тогда уже поймешь то, что

здесь написано.

– А почему космонавты не могут вернуться на Землю, заблудились, да?

– Они должны были выполнить полет, потому что это их работа, их дело. Никто и не думал, что они потеряют нашу планету.

– А зачем космонавты улетели так далеко?

– Ты ведь знаешь, что герои могут совершать подвиги и даже погибать при этом. Они, конечно, совсем не хотят умирать, но если не будет таких отважных людей, то может погибнуть весь мир. Кто же его спасет?

– Мам, а дедушка совершил подвиг? Бабушка говорила, что он мог сказать на допросе, что не будет больше писать книги. И тогда бы его не расстреляли.

– Да, искренний и честный поступок.

– А он герой?

– Для нашей семьи – да, настоящий герой, потому что был очень смелым... Я помню настольную лампу на его столе; он всегда что-то писал. Один раз я заглянула к нему в тетрадь, но ничего не поняла и спросила: «А что это у тебя?» Он сказал: «Здесь написано про то, как надо жить по правде, по совести; как правильно поступить, особенно когда много людей зависят от тебя. Всегда следует выбирать честность, понимаешь?» Он посадил меня к себе на колени, и я до сих пор помню, как уютно было под его защитой; он казался сильным и добрым великаном. «Могу раскрыть один секрет, – шеп-

нул он мне, – ты ведь умеешь хранить тайны, правда?» Я тогда закричала от радости: «Да, папа, да!» А он сказал: «Есть очень серьезная наука, которая изучает наш мозг, его работу, откуда возникает память, как мы думаем, ты и я... Так вот, исследования говорят о том, что человек непременно должен жить по совести, это его долг перед всей живой природой, перед огромной Вселенной. Каждый из нас, и взрослый, и ребенок просто обязан быть честным. Даже если никто и никогда не узнает о предательстве или обмане, мир это почувствует и откликнется бедой. Понимаешь? – спросил он, прижав меня к себе, а потом добавил: – Вот об этом я и пишу».

– Мне было тогда семь лет, только в школу пошла. И я запомнила на всю жизнь: папа за столом, большой и надежный; много разноцветных остро заточенных карандашей в высоком деревянном стакане; его загадочное рабочее царство с бесконечными книжными полками; таинственная старинная настольная лампа; там пахло волшебством; в его кабинете царил другой мир, и как будто не было времени...

«Мама... Как мало случалось у нас откровенных разговоров! Почему я редко звонил и так скупно писал ей? Ведь мог же... Не знал, о чем. Расстраивать не хотелось, а хорошего не было. Мне всегда ее не хватало; сколько себя помню, столько и тосковал по ней. Еще при ее жизни я знал, какой жуткой будет боль утраты...»

– Игорь, проснулся? – «ученый-фанатик» по имени Евгений влетел в палату. – Не разбудил?

– Да уж давно не сплю... Но отдохнул хорошо.

– Вот и отлично! Тебе что-нибудь нужно? Можем поужинать, если хочешь. Как?

– А ты с чем?

– Да я по делу, – выпалил Евгений, приземляясь на стул.

– Ну давай тогда.

Глава 5. Подготовка

Уже несколько часов подряд Алексей Васильевич разбирался с материалами и выводами экспертов, не выходя из-за стола. Пришлось даже затребовать из архива некоторые журналы на английском и немецком, но к желаемому результату они так и не подтолкнули. Наконец, раздался звонок.

– Наталия Ивановна, очень кстати! Только что хотел побеспокоить вас... Получили? Отлично! Жду.

В профессорский кабинет, с блестящими глазами и покрасневшим от эмоций, со своим знаменитым портфелем в руках вошла Наталия Ивановна:

– Дорогой Алексей Васильевич! Позвольте поздравить нас с вами с редким сюрпризом. Работы-ы-ы – на год бессонных ночей как минимум.

– Что? Диаграммы связей?*

– Именно. Я уже назначила на завтра встречу с Медведевым. По-видимому, нам придется очень тесно взаимодействовать с ними. Такую глыбу одним не вытянуть.

– Да уж... Немного неожиданно. Я, признаться, не думал, что когда-нибудь в своей жизни смогу зайти в такой тупик, как сегодня. Давайте, Наталья Ивановна, ваши соображения. Вы же не только с диаграммами приехали?

– Сначала скажите, удалось ли хоть что-то выяснить у

Игоря? И, кстати, как он?

– С ним Женька сейчас работает. Майор заметно оживился после сна, отдохнул и даже вспомнил маму, ее рассказы про деда, детскую книжку про космонавтов.

– Очень хорошо! Воспоминание из детства – это определенно успех релаксирующей терапии, несомненно... Теперь давайте попробуем понять, как лучше подготовиться к завтрашнему дню. Нужен четкий алгоритм действий. Утром получим материалы от Юрия Максимовича. Возможно, придется нам всем встречаться с ним, а в пятнадцать – с Медведкиным. По-видимому, на завтра нужно отключать Игоря от релакса, другого выхода нет. Вы согласны, Алексей Васильевич?

– Безусловно. Показатели нужны чистыми. Но в случае сильной головной боли... анальгетики даем?

– Я бы подождала заключения Медведкина. Вы же понимаете, малейшее искажение может «смыть» картину.

– Да-да. Ну, приступим. Работы как раз на всю ночь.

Глава 6. Русский герой Анголы

От висящего на стене бра невесомым пухом разлетелся кремово-пастельный свет. Он наполнял пространство большой комнаты, похожей на больничную палату или гостиничный номер. Лимонно-мятный аромат кружил над двумя высокими бокалами на стеклянном столе.

– Игорь, можешь как-то объяснить, откуда появилась такая уверенность в том, что ты Олег?

– Да не знаю я, Жень. Оно из глубины вышло. Очень хотел вспомнить, кто я, когда очнулся... Фамилия же совпала.

– Да... А у тебя есть друзья, родственники с таким именем? Ну, подумай!

– Не знаю. Я Алексея помню; его невозможно забыть. Со-ню помню, жену мою.

– Алексей. Кто он?

– Я ему жизнью обязан, – потупившись в пол, ответил Игорь.

– Старик, ты не против, я включу запись? Расскажи все, что помнишь об Алексее.

– Нельзя без этого?

– Ты про запись?

– Да нет... Вспоминать тяжело. Глубоко личное.

– Я понимаю. Извини, у нас нет других вариантов. Выби-

рать-то не из чего. Да ты и сам в курсе. Все, что можешь вспомнить, давай сюда. Иначе не сдвинемся. Завтра, кстати, Юрий Максимович к тебе придет.

– Кто это? Мы с ним знакомы? – Игорь в упор взглянул на собеседника.

Тот, немного растерявшись, поспешил отрулить: – Ладно... Пишем. Давай!

Игорю понадобилось какое-то время, чтобы собраться с силами. И хотя речь была уже вполне четкой, голос мгновенно сделался глухим и уставшим:

– Мы находились под Лонга, в Анголе. Утром должны были выйти на своих. У нас был приказ: работать врозь, независимо; и к нашим пробираться так же. Если одного возмут, второй должен дойти. Мы с Лехой друг друга по воздуху понимали, которым дышали. С детства вместе, сначала – на одной лестничной клетке, потом – в одной группе в саду, на одном горшке... – Игорь замолчал.

Было видно, что воспоминание угнетает него. Тем не менее, он продолжил:

– Приказано было строго соблюдать изоляцию, не вмешиваться, не влиять друг на друга, только подстраховывать по возможности, конечно. Там единого языка нет; на португальском мало кто говорит, их африканских я не знаю. А Леха два года мбунда изучал, еще в институте. Ночью мимо него прошли унитовцы, на мбунда говорили. Один из них засек меня, оказывается, но думал, что нас много: очень темно бы-

ло.

Они часто по ночам ходили, чтобы засады ставить и дороги минировать. Весь отряд их должен был собраться с огнями и захватить меня. Алексей понял, что мне конец... Там грунты песчаные мягкие были, а распутица такая, что мы на ночь иногда прямо в грязь зарывались, оттуда не скакнешь. Техника вязла...

А окружали они мастерски, как чингачгуки. Нашими ушами и услышать-то нельзя. Леха тогда заорал мне на испанском, чтобы на кубинцев подумали: «Беги!» И гранату в них... Я потом от кубинцев и узнал, что его несколько суток пытали, раненого...

У него дочка маленькая осталась. Когда Алексей из очередной командировки возвращался, она спать не ложилась, пока он домой не придет; говорила: «Мой папа – самый главный герой». Света, жена его, заболела потом сильно. Несколько операций перенесла. В старуху превратилась.

Как мне с этим жить? Я не знаю, как... – выдохнул он почти беззвучно и вдруг схватился за голову и застонал. Потом, внезапно скорчившись, начал сползать со стула на пол.

Евгений побледнел и схватил телефон:

– Алексей Васильевич, скорее!

– Иду! Ничего не предпринимай, Женя, слышишь?

Через две минуты в комнату влетел Алексей Васильевич с тонким металлическим чемоданчиком в руках, за ним подошла и Наталия Ивановна. С плохо скрываемым волнением

она смотрела на Игоря, закрывающего голову руками:

– Женя, это приступ. Чем вы его спровоцировали?

– У меня записано. Он говорил о друге, который спас его ценой жизни.

Алексей Васильевич снял со стены трубку и прогремел. «Сгорину кеторолак внутривенно, тридцать. Срочно!»

Мгновенно у кровати Игоря появилась милая девушка, хрупкая и сосредоточенная, без всяких следов недосыпа, и привычно-спокойно стала вводить в вену анальгетик. На кровати прямо на Игоре сидел Евгений, держа его руку как щипцами.

Через минуту Алексей Васильевич склонился у изголовья:

– Игорь, слышишь меня? Тебе лучше?

– Да... Но горит... сильно, – с явным усилием выговорил тот.

– Как горит голова? Где?

– Пучками режет. Ог-огнен-ными... Пить дайте!

Оборачиваясь к медсестре, Алексей Васильевич произнес:

– Давать только коктейли из списка. Можно комбинировать. Температура – от двадцати до двадцати пяти. Пусть пьет, сколько хочет. Жду звонка через десять минут. Мы будем у меня.

Все трое вышли. Время подходило к двум часам ночи. В профессорском кабинете повисло тревожное напряжение...

Нарушила его Наталья Ивановна, заявив, что алгоритм необходимо срочно менять:

– Никаких путешествий по лабиринтам памяти быть не может. Чтобы принудить его к воспоминаниям, надо иметь гарантии, что мы не вторгнемся в негативно-токсичную зону, – и, тяжело вздохнув, добавила, противореча самой себе, – не представляю... Только исследования и анализы? Это же годами может длиться!

– Второй тупик за один день. Воистину мы сегодня вступили в новую эпоху, – с растерянным видом пробормотал Алексей Васильевич. – Женя, включите запись!

Глава 7. Олег

«Мама... Доброе, как всегда, спокойное лицо. Хорошо, что вокруг нее светло. А солнца нет. Интересно, откуда свет?»

– Ты так далеко, мама! Даже не могу подойти к тебе. Каким я был идиотом, прости...

– Олег, сынок, не уходи из клиники! Надо добиваться, у тебя все впереди.

– Разве ты не знаешь, что я не Олег?!

– Сынок, это только начало, терпи!

В этот момент Сгорин разбудил себя криком «мама», заставшим на губах...

Медсестра торопливо подала ему бокал с пенной шапкой наверху:

– Успокойтесь! Это просто сон. Вы не волнуйтесь так... Выпейте! Голова не болит?

– Не знаю... нет.

– Ну и хорошо. Вы молодец! – Вытирая ручки пота с его лба, говорила она бархатным голосом, – сейчас отдохнете и сможете погулять в саду. У нас птицы утром так поют, ну просто как в раю. Отдыхайте! Поспите еще! – девушка аккуратно пододвинула подушку внезапно обмякшему Сгорину.

Глаза его закрылись как по волшебству, а дыхание стало

ровным и спокойным. На этот раз ему повезло. Сновидений не было, только мягкая темнота, обволакивающая и успокаивающая.

Часа через два-три, когда он, повернувшись, открыл глаза и увидел вокруг себя ночь, из темноты внезапно появился Евгений.

– Игорь, ты как? Поспал?

– Да... Сны какие-то ненормальные.

– А что видел, помнишь? – оживился Евгений и пододвинул стул к кровати.

– Да ерунда какая-то, глупость.

– В нашем деле ерунды не бывает. Любое твоё воспоминание – это ценная информация. Ты только эмоции не включай!

– Постараюсь... Никогда мать ничего не говорила во сне, всегда молчала, – тихо произнес Игорь, – а сейчас назвала меня Олегом и сказала, чтобы не уходил из клиники. Я ей кричу, что я – не Олег, а она говорит: «Терпи!»

– Это всё?

– Мне хватит пока, – ответил Игорь с отсутствующим видом.

– Ладно, старик, – Евгений похлопал его по плечу. – Отдыхай, до утра ещё есть время. Заснуть сможешь?

– Да вы меня так накачали, что я теперь несколько суток просплю.

– Ну и отлично! Давай, пойду я, – и закрывая дверь, Евге-

ний с удивлением услышал плотное сопение, доносившееся с кровати. – Молодец боец!

Глава 8. Пароль к подсознанию сломан

Яркий солнечный луч, настойчиво пригревая лицо безмятежно спящего, вынудил его открыть глаза. Комната была наполнена таким жизнерадостным теплом, что Сгорин даже улыбнулся от неожиданности. Изощренные птички переливы вносили свою лепту в праздник жизни. Игорь легко поднялся и вдруг ощутил себя крепким, как раньше. Внезапно накатило острое чувство голода. Сгорин растерянно сел на кровати, безуспешно пытаясь вспомнить, что же он ел и когда.

– Доброе утро, молодой человек! – неожиданно прозвучал мягкий и одновременно звонкий голос. В дверях появилась женщина с подносом в руках, который она ловко взяла с тележки и поставила перед Игорем на стол. – Приятного аппетита! Поправляйтесь! У нас еда вкусная, сплошные витамины, – улыбаясь, заключила она. – Если что-то захотите, там кнопка, – кивнув на стену и еще раз улыбнувшись, она легко вышла, несмотря на внушительную комплекцию.

Удивительно, но только сейчас стали заметны видеокамеры, которыми была напичкана комната. Правда, это никак не повлияло ни на прекрасное настроение Сгорина, ни на его

волчий аппетит. Странно, что за все это чудесное утро никто не пытался его ни обследовать, ни расспрашивать.

Игорь, вдохновленный своим самочувствием, сделал знаки на камеру, подразумевающие прогулку, и вышел в парк.

Свежий запах зелени ударил ему в лицо, на мгновение даже закружилась голова. Небо сияло ослепительной голубизной; дурмящие ароматы наплывали с разных сторон, сменяя друг друга. Парк был великолепный, с горбатыми мостиками, ручьями, множеством маленьких искусственных озер, тропинками, еще не высохшими после ночной влаги и утренней росы.

Сгорин шел по узкой дорожке, ведущей неизвестно куда, и ему даже захотелось пробежаться, как раньше, но из-за стремительно навалившейся усталости пришлось свернуть поближе к буйной зелени, где пристроились свежевыкрашенные синие лавочки.

И вдруг какой-то леденящий ужас сковал его при виде скамеечки, мирно стоящей под деревом. Игорь остановился, не понимая, что происходит. С невыразимым удивлением он рассматривал синие доски, чувствуя, как тело становится чужим и перестает подчиняться.

Его охватил страх; в голове забил колокол, тяжело, гулко; и огненные пучки, вылетающие из-под чугунного языка и сливаясь в единый вихрь, попытались разорвать голову на множество мелких фрагментов, ожесточенно прожигая ее...

Глава 9. Ловушка для мыслей

Non progredi est regredi (лат.).

Не продвигаться – значит отступать

– Обнадежить мне всех нас абсолютно нечем. Увы! Это первое, – сидящий во главе длинного стола мужчина с явно военной выправкой недобро блеснул стеклами очков. – Второе. Времени у нас нет. Ни на что. Ни на исследования, ни на статистику. Третье. Из прогнозов – только негатив. Заключение от кафедры Медведкина также не блещет позитивом. Какова наша цель в таких условиях? Необходимая задача – выстроить безопасное положение. В этом – единственный шанс спасти Сгорина и сохранить его личность, – строго оглядев сидящих за столом, и убедившись в их молчаливом согласии, Юрий Максимович продолжил.

– Итак, ничего другого, кроме стандартной схемы, нам не остается. Безусловно, сначала будем пытаться удалить блоки в сознании. Это главный момент. Если понадобится, подключим слипера*. Крайний выход – полное обнуление*, которое приведет к уничтожению личности офицера. Всё. Ваши предложения! – Снимая очки и потирая воспаленные глаза, сказал полковник.

– У меня не только предложения, но и вопросы. Разрешите

те?

– Прошу вас, Наталия Ивановна.

– Возможно ли параллельно с заявленной схемой продолжать обследование Сгорина? – спросила профессор, очевидно, волнуясь.

– Аргументы? – низким голосом произнес полковник, уткнувшись в бумаги.

– Аргументы заключаются в повышении шанса. Мое глубокое убеждение состоит в том, что, если существует даже ничтожно малая вероятность деблокирования, целесообразно ее использовать, – и посмотрев на Юрия Максимовича прямым взглядом, демонстрирующим веру в собственную правоту, профессор продолжила негромким и уже твердым голосом. – Все в мире функционирует по законам, и ничто – хаотично. У войны, в том числе психотропной, также есть свои правила. В этой сфере, действительно сложной для анализа, вперед продвигаются не только на той стороне, но и мы. Наш институт в течение последних лет занимался разработкой алгоритмов для подобных случаев, и отчеты были представлены. Так вот, развитие данной сферы – объективная необходимость. Хотим мы этого или нет, риск неизбежен. Исключить его – значит, сдать позиции. В таком случае нам грозит фатальное отставание от западных методик. Мы просто обязаны «быть на рельсах», извините за сленг. Иначе противопоставить Западу что-либо, кроме метода скачков, не получится. А это, как известно, сейчас уже легко просчи-

тывается «на раз»... Уверена, что, прекратив исследования, мы совершим непоправимую методологическую ошибку и отбросим сами себя назад, заранее согласившись на проигрыш в этой войне.

– Логично! С вами, Наталья Ивановна, спорить себе дороже, – сверкнув колючим взглядом, устало вздохнул полковник. – В данном случае речь не идет о прекращении исследований или лечения. Вы же понимаете! Мы поставлены в очень жесткие условия. Любой анализ предполагает наличие времени, которого у нас нет; счет идет на... – и, оборвав сам себя, продолжил, – к тому же весь накопленный на сегодняшний день материал позволяет сделать неблагоприятный прогноз.

– Но, Юрий Максимович, разве нельзя обеспечить тотальный и круглосуточный контроль над Сгориным? Это исключило бы выполнение опасных действий, навязанных ему извне, – взволнованно произнесла профессор.

– Гарантии дать можете?

– Для этого опять же надо время, – ответила Наталия Ивановна. – Наши специалисты слишком мало работали с Игорем... Вот мы тут с Алексеем Васильевичем согласны спать по очереди. Дайте хоть что-то, ну хотя бы трое суток, если больше невозможно!

– Да кто же спорит? – голос полковника прозвучал обреченно. – Ясно, что ни тормозить, ни тем более останавливаться, мы не имеем права. Иначе – откат назад... Есть еще

предложения? Слушаем вас, Евгений Николаевич.

– Спасибо. Хочу полностью поддержать нашего заслуженного профессора. Мнение Наталии Ивановны здесь – это доводы не только теоретика, но и опытного специалиста. Статистика, наработанная их институтом, – более чем серьезный аргумент. Если мы затормозим, то вряд ли выберемся потом из провала. Резюмируя все сделанное к настоящему моменту, могу сказать, что есть проекты, но возможно ли их осуществить, будет зависеть от сегодняшнего решения.

– Хорошо... Илья Борисович? Пожалуйста.

– У нас кое-что наработано за эти часы, – не очень уверенно сказал Илья, вопросительно глядя на Юрия Максимо-вича.

– Давайте все, что есть.

– По чипу, имплантированному Сгорину... Такая разновидность нейрочипов пока малоизвестна. Для идентификации необходимо определенное время, так как надо мониторить состояние и поведение. С большой долей вероятности он относится к последнему поколению, так называемый нейро-био. Вступает во взаимодействие с сосудистыми тканями организма, отсюда появление крови без всякой видимой причины как реакции капилляров.

– Попытки сращивания с нейросетью отработали? – полковник просветил Илью чекистским взглядом. – Я имею ввиду включение мозга Сгорина с этим нейрочипом в сеть, созданную американскими спецками. Мы все понимаем, на-

сколько возрастает опасность для государства в таком случае.

– Этим сейчас и занимаемся. Исследуем на предмет построения обратной связи с целью воздействия на биологический объект... простите, на майора Сгорина.

– Поподробнее, Илья Борисович!

– Да, конечно. По тем данным, что известны на этот час, окончательный вывод сделать невозможно, но... – он быстро взглянул на полковника, – высока вероятность того, что потрудившиеся над Игорем профи опробовали на нем адаптивный нейроинтерфейс. В этой нейронной сети живой тканью являются клетки мозга Сгорина, а гибридный бионейрочип принимает сигналы от его нейронов, записывает их, анализирует, и потом отправляет информацию...

– Илья Борисович, я же просил в деталях! – нервно прервал его полковник.

– Да-да... Мы не можем пока сказать более точно, но обязаны допустить, что информация с чипа уходит в двух направлениях: в виде мыслей или приказов в мозг Сгорина и... – Илья не заметил, как голос внезапно осип, – в центр управления.

– Нет и еще раз нет! Мы всеми силами обязаны не допустить такого, – прогрохотал Юрий Максимович, вытянувшись в кресле в струну, – именно для этого и служим Родине. А если допускаем, то служим врагу. Здесь двух мнений быть не может! – Он резко открыл верхний ящик стола, с

тоской посмотрел на пустую пачку сигарет, лежавшую там почти месяц и уже не способную радовать бывшего хозяина даже запахом, захлопнул его и продолжил чуть спокойнее: – Что предполагаете по задачам противника?

– С большой долей вероятности конечной целью «партнеров» является расшифровка мыслей Сгорина: при возникновении «нужной» идеи дается мгновенная команда на ее реализацию. Биологический объект при этом, извините, майор Сгорин, воспринимает внешнее указание как собственное желание, – непривычно строго, по-военному ответил Илья.

– Какие характеристики уже сняли? – явно нервничая, спросил полковник.

– Пока только частотно-волновые.

– Что предлагаете? – Юрий Максимович строго взглянул на молодого ученого, будто перед ним был первоклассник, нахватавший двоек. – Хирургическим путем? Извлечь можем или нет?

– Не могу утверждать на сто процентов, мало времени. Но на девяносто – нет. Практически сделана прошивка в функции мозга. Поэтому рассчитывать на удаление чипа пока нереально...

– Ваши предложения, Илья Борисович!

– Работа с памятью. За эти сутки у нас появились некоторые шансы.

Юрий Максимович опять открыл ящик, мельком взглянув на одинокую и бесполезную пачку, закрыл его и налил себе

воды:

– Хочу напомнить всем присутствующим, что у нас нет самого необходимого – времени. Проблема требует срочного решения. Какими фактами еще располагаем? – спросил полковник, сверкая ледяными стеклами очков. – Евгений Николаевич? Пожалуйста.

– Имя и фамилия. Важный факт: фамилия правильная, имя – нет. Сбой, очевидно, в выстраивании цепочек в подсознании. Откуда пришло имя Олег, мы пока не знаем. Есть предложения проработать всю генеалогию, чтобы найти сигнальные точки. Аргумент – совпадение фамилии. Если мы на правильном пути, есть шанс скорректировать сцепки подсознания со временем.

– У меня немного другое мнение, – вступил, наконец, в обсуждение Алексей Васильевич, сидевший с подавленным видом. – Ни в коем случае не отрицая сказанного, полагаю, что достать информацию из так называемых фамильных колебаний вполне реально. То есть, Сгорину необязательно иметь родственника по имени Олег. Достаточно, чтобы среди родственного окружения присутствовала связь, в том числе ментального характера, с этим человеком. Причем, подобные эпизоды могли иметь место в далеком прошлом.

– Алексей Васильевич, не во всем согласна с вами. Думаю, велика вероятность того, что событие не слишком далеко от нас по времени. Но если персонаж по имени Олег присутствовал в истории семьи именно в далеком прошлом,

это может говорить о том, что делать прогнозы будет очень проблематично, – безрадостно заявила Наталия Ивановна. – Функциональность подсознания может дрейфовать в сторону хаоса, и распутать такую навязанную патологию шансов практически нет.

– Какие еще есть факты? – не скрывая разочарования, спросил полковник. – Это все неубедительно... Для научной работы – пожалуйста, но не в такой ситуации.

– Подождите, – вдруг торопливо почти выкрикнул Евгений, – я не успел еще включить в отчет... Сегодня ночью Игорь видел во сне мать, которая называла его Олегом.

– Это шанс, – возбужденно заявила Наталия Ивановна. – Возможно, что подсознание скомпенсируется с помощью релакса.

В этот момент Илья, неловко громыхнув креслом, сообщил, что появились новые данные и, извинившись, быстро вышел из кабинета.

– Так, чем еще богаты? – без всякого энтузиазма спросил Юрий Максимович.

– Все другие его воспоминания вошли в отчеты. Но на мой взгляд, сигнальных опор там нет, – сбавляя обороты, ответил Евгений.

– Уважаемые профессора, ваше мнение по отчетам? Надеюсь, вы успели их проанализировать?

– Пока только частично. Ночью займемся этим основательно.

– Значит, утром... Подводим итоги. Илья Борисович, у вас что-то новое? – обратился он к только что вернувшемуся.

– Да, по чипу. Новые данные говорят о высокой вероятности передачи сигналов от мозга Сгорина на внешние носители. Скорее всего, двусторонний обмен информацией с возможностью отдачи приказов – это и есть цель проведенной американцами операции, – сказал он твердо.

В неестественной тишине кабинета заискрило ощущением катастрофы...

Юрий Максимович, прерывая звенящее молчание, произнес металлическим голосом:

– Хочу напомнить, что любая новая информация с мельчайшими деталями по состоянию Сгорина должна поступать ко мне немедленно. Мгновенно! Независимо от времени суток! Все свободны.

Глава 10. Невероятные результаты

В комнате с плотными жалюзи на окнах среди шкафов с многочисленными папками и всевозможной техникой, сосредоточенно уткнувшись в компьютеры, хранили молчание два молодых человека живописной внешности.

Один из них, без сомнения, подошел бы под классическое описание неистового исследователя. Такие фанатики науки обычно отличаются равнодушием к женскому полу и жизненному комфорту. Рабочий стол его был завален документами, журналами, книгами, создававшими безумный творческий хаос, среди которого возвышался чудом выживший монитор.

Другой молодой человек по облику представлял собой противоположность и казался тем легкомысленным счастливым, из-за которого самые красивые девушки осваивают искусство жесткой конкуренции.

Снимая наушники, из которых доносились совершенно невыносимые звуки, похожие на скрежет и гул одновременно, он произнес:

– Если этот частотно-волновой ад сгоринского нейрочипа не превратит меня опять в дарвиновскую обезьяну, я очень удивлюсь и буду считать себя героем в истории человечества. – Потом помолчал и добавил: – Жесть, однако! Вот что

надо давать грешникам слушать вместо проповедей. Как подорванные каяться побегут!

На что «энтузиаст науки», не отрываясь от монитора, невозмутимо ответил:

– Я так и знал, что ты на «героя» рассчитываешь. По-смертно, конечно, – и демонстративно смахнул слезу. – Представляешь, Дэн, как красиво будет выглядеть надпись на могильной плите: «Здесь лежит герой, которого убило волной»?

Денис равнодушно хмыкнул в ответ, с удовольствием потянулся и выдохнул:

– Что-то шеф завис у Максимыча. Не к добру это.

– Чего и следовало ожидать. Легким испугом здесь не отделаешься... Слушай, Дэн, а где у нас от прошлого года данные по нарушениям волновой активности?

– Так их же Илья копировал...

– А... тогда по графикам посмотрю, ладно. Я только на счет проги по автокорреляции сомневаюсь. Надо бы с шефом согласовать.

– Ну, надеюсь, к ночи вернется, если, конечно, его Максимыч не заровняет.

На этом короткий диалог закончился. Вновь установилась тишина.

Примерно через полчаса послышалось веселое верещание замка, и в комнату влетел Илья Борисович с горящими щеками.

– Шеф! Живой! – первым среагировал Денис.

– Похоже, это – не он, а дед Мороз, – присвистнул другой, откидываясь на спинку кресла.

– Скажите спасибо, оглоеды, что не лишили вас начальства, – энергично выдохнул Илья. – Контора торопит, Максимыч лютует, у Сгорина перспектива стать растением.

– Позвольте выразить восхищение вашей лаконичностью, многоуважаемый шеф! – высказался тот, кто, вероятно, не страдал от повышенного внимания со стороны женского пола. – Неужели так безнадежно?

Вместо ответа Илья бухнулся в кресло:

– У нас кофе есть? И, вообще, окна-то открыть пора, су-мерки уже... Сидите тут, как летучие мыши.

– Почему же мыши? Может, как совы? – театрально вытянул шею Денис.

– Я лично – филин, – заявил «энтузиаст», – ну а вы двое имеете законное право поделить между собой мышь и сову. А кто из вас окажется вкуснее, спросите у желудка.

– Трёпу конец! Кофе где? Внимание к начальству будет или как? Благодарю, – театрально наклонив голову, сказал Илья, беря чашку из рук Дэна. И после обжигающего глотка, спросил: – А что у тебя с частотами?

– У меня? Не ожидал такого интимного вопроса. Раньше было прекрасно и уж точно лучше, чем у Сгорина. А как стало – ночь покажет, – ответил Денис, нетвердой походкой возвращаясь на свое рабочее место, – кстати, полнолуния сего-

дня нет?

– Пора начинать тебя бояться? Значит, насладился уже сгоринскими частотами? – Илья с явным удовольствием расположился в кресле с дымящимся кофе.

– Да я как минимум акустическую травму получил, причем в самой извращенной для моего мозга форме, – донеслось из-за монитора, – пока только головокружение накрыло, потом глухотой прихлопнет, а добрячок Альцгеймер зашлифует.

– Эк ты шабануло! Инфразвуком, что ли?

– Шеф, так вот ты какой! А где же забота о дорогих коллегах? За один сегодняшний день мне на целый год в санаторий надо. Хотя... после таких частот лучше сразу на отпевание. Да от вас и цветов не дождешься, разве только стакан водки на могилку поставите. Ну потом, конечно, орден принесете, которым меня наградят... Посмертно.

– Давай, Дэн, не тяни, говори пока живой, что наслушал по Сгорину, а то так и опоздать можно!

– Как далеко начальство от народа! Это факт. Исторический, между прочим... А теперь, господа-товарищи, прошу внимания! Максимальная плотность – в зоне три – три и восемь герц*, – после этих слов Денис взглянул на коллег, чтобы понять их впечатление, но те замолчали от неожиданного потрясения.

Наконец, Илья Борисович спросил с внезапной хрипотцой в голосе: – Амплитуда?

– Низкая, – произнес окончательный приговор Денис.

Илья выкатил глаза: – А ведь он еще в адеквате... Невероятно! Ну Сгорин... ну богатырь! – и, покачав головой, добавил: – Вот те и резерв главного командования. Это же сверхлюди!

– Штучный экземпляр! – с чувством сказал «энтузиаст». – Хм... О роли личности в истории...

Денис, выждав несколько минут для беспрепятственного прохождения реакции, продолжил удивлять:

– Я сделал запрос в Питер, в НИИ Бехтерева. Цитирую ответ из лаборатории нейрофизиологии: «Состояние пациента может иметь признаки беспомощности и нуждаться в опеке по причине низкой социальной адаптации». И дальше, из рекомендаций: «Необходимо дать ему ориентиры, в том числе пространственные. Пациента нельзя оставлять в одиночестве. Затем нужно помочь войти в социум»... Ну и так далее.

Возникшее из-за полной растерянности молчание прервал Илья, обратившись к «энтузиасту науки»: – Будущий академик Александр Ивашов, ваши соображения?

Тот ответил вопросом в адрес шефа: – Сколько дней на этом свете нам отведено Максимычем для анализа ритмов в динамике?

– Н.И. выбила трое суток, клянясь при этом, что спать с Лёш Васильичем она не будет.

– Феерично! – оценив подтекст, ухмыльнулся «будущий

академик»: – Наталия Ивановна верна себе. Почему в науке наград за стойкость нет? – и привычно уткнувшись в монитор, заявил: – Итак, главное – чип. МРТ и ЭЭГ* – потом.

– Давай, Сань, вперед! И да поможет нам царь Соломон! – подбодрил шеф «рабочей молитвой».

Эта «формула» вошла для них в привычку после того, как Илья «в целях очищения крови юмором» прикрепил на стену обычный А4-лист с притчей Соломона: «Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости».

Глава 11. Победить или погибнуть

Юрий Максимович по-военному четко и без лишних движений навел порядок на столе, посмотрел на часы, отозвался на невеселые мысли глубоким вздохом, взял папку и быстро вышел из кабинета. За время перехода в другой корпус он успел выстроить в голове схему доклада и просчитать ответы на вероятные вопросы.

– Разрешите? – открывая дверь и сканируя присутствующих, спросил он.

– Заходи, – раздался мощный голос сидящего во главе длинного стола мужчины средних лет с блестящей лысиной на голове.

Ряды кресел вдоль стен были пусты: в кабинете, кроме его хозяина, находился всего один человек, – подполковник Уженов Сергей Викторович, хорошо знакомый Юрию Максимовичу по прежней работе. Оба внимательно следили за происходящим на большом экране, висящем на стене.

– Юрий Максимович, скажи, это Медведкин вел Сазонова? – классическим голосом начальника спросил блестяще-лысый, кивая на экран.

– Да, его кафедра психиатрии. В основном, он сам с Сазоновым работал.

– Помнится, Медведкин тогда про какие-то идеи говорил,

которые якобы еще ждут своего подтверждения. Как думаешь, стоит ли ему над Сгориным потрудиться?

– Убежден, что необходимо. Во всяком случае, у нас на эту кафедру пока еще есть надежда, хотя заключение они подготовили... – полковник замялся, старательно подыскивая слово, – абсолютно безрадостное.

– А именно?

– Полагают, что у Сгорина нет шансов. И во избежание совершения им тех действий, ради которых "партнеры" затеяли операцию, единственный рабочий вариант – это обнуление майора.

– Вот как? На что же тогда рассчитываете? – и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Мы тут архивы по Сазонову подняли. Высококласный был специалист. Что скажешь, Юрий Максимович?

– Наверное, вы меня не о профессионализме его спрашиваете, – протирая очки в тысячный раз за вечер, ответил полковник. – Уровень Сазонова был высочайшим, таких мало. Как говорится, единичные и выдающиеся.

Но помочь ему не смогли. Противник сработал виртуозно. И на этот раз мы шансами не блещем, так что опять можем проиграть дуэль... Сейчас, столкнувшись с ситуацией майора Сгорина, мы видим аналог истории с Сазоновым. Ясно, что с той стороны идет отработка новых средств с подтверждением их успешного применения. Могу констатировать, что нынешний случай гораздо более тяжелый, хотя и так уж

сложнее некуда. Надежды мало, – посмотрев нелегким взглядом из-под очков, добавил Юрий Максимович. – Безусловно, пытаться будем до последнего шанса. Сделаем все возможное, чтобы сохранить личность героического офицера.

– Ну, полковник, чуть слезу из меня не выбил. Красиво говоришь! – ответил обладатель зеркальной лысины. – Аналитику давай с отчетами! Да и вообще, товарищи офицеры, хочу призвать вас к более тщательной и выверенной работе. Совершенно ясно, что в такой обстановке даже незначительная невнимательность, уж не говоря об ошибках, могут привести нашу страну к катастрофическим последствиям. Вариантов у нас, как всегда, два: победить или погибнуть. Поэтому предлагаю провести пошаговый сравнительный анализ состояний, условий, обстоятельств, положений Сазонова и Сгорина; это во-первых. Во-вторых, необходимо учесть все самые незначительные детали в деле того и другого. Что общего? В чем наблюдаются полные совпадения, в чем – хотя бы микроскопические различия? Имею в виду здесь и работу, проведенную нашими офицерами, и те воздействия, которые были оказаны на них, равно как и наступившие последствия. Анализировать все до мелочи! Так что, Юрий Максимович, засучай рукава! Рано утром жду с полными выкладками и вариантами решений. В вашем распоряжении, товарищи офицеры... – Геннадий Николаевич внимательно посмотрел на часы, – если необходимо, могу выделить дополнительно полчаса для повторного анализа видео.

Это максимум. Завтра мы обязаны принять окончательное решение с докладом наверх. Время не терпит... вернее, у нас его просто нет.

Глава 12. Он исчез

– Ну неужели ты не понимаешь, мама, – стоя у открытого окна, с раздражением говорила по телефону не очень молодая, но прекрасно подтянутая и все еще красивая женщина, – я никуда не поеду без Игоря... Ну и что? Буду ждать. Я уже привыкла. Мам, ну не нервничай ты так, а то давление повысится! Не волнуйся, скоро все прояснится! Мне звонили вчера, сказали, что на днях он будет дома... Откуда я знаю, почему он в госпитале? Ну зачем нам обсуждать неизвестно что? Пожалуйста, хватит! Давай, успокаивайся и закончим на этом. Я позвоню тебе, когда Игорь вернется, хорошо? Всё, целую!

На землю робко упали первые небесные капли, а, спустя несколько минут, осмелев, уже превратились в звонкий дождик. Через широко распахнутое окно квартиру на третьем этаже победоносно заполнил аромат сочно-зеленой молодой листвы. А за ним вдруг влетела музыка: откуда-то, как по волшебству, зазвучал Моцарт, сначала едва уловимо, потом все отчетливее и радостнее.

Неведомым образом невидимый дирижер виртуозно собрал вместе отрывки из прошлого, которые под утонченный классический аккомпанемент с легкостью сложились в живую картину памяти...

– Соня, если ты меня не будешь ждать, я не вернусь, – Игорь лукаво улыбнулся и крепко обнял ее за плечи. – Говори, жена, любишь ли ты своего мужа? – и вдруг с трепетной нежностью, противоречащей напускному веселью, расправил ее блестящие на солнце волосы.

– А куда ты денешься, шантажист? – целуя его в щеку, улыбнулась Соня.

– Куда... да пропаду просто, и всё. Я же буду чувствовать, ждешь ты меня или нет.

– Да ладно уж... возвращайся, так и быть! – Соня прижалась к нему, как маленький ребенок, – от судьбы жены декабриста мне теперь не отвитьнуть.

Такая серьезная разлука предстояла им впервые за время семейной жизни. Никто не говорил, насколько уезжает Игорь. Соня изо всех сил старалась не думать об этом и не обращать внимания на появившуюся по ночам нервную дрожь, но сумеречные мистические сны со странными картинками и предсказаниями, сменяли друг друга в навязчивом хороводе.

Ей хотелось как-то разобраться в этом и успокоиться, но с каждым днем Соня все лучше понимала, что интуиция на предельной громкости предупреждает о чем-то трагическом и страшном. А сон, который она увидела в последнюю ночь перед отъездом Игоря, отпечатался в памяти ледяным ужасом.

... Она пыталась бежать по длинному безлюдному пляжу

во время сильного шторма. Ноги проваливались в мокрый песок и предательски увязали в нем.

На море бушевали мутно-синие волны; темное небо разрывали молнии, открывая путь ливневым потокам, которые мгновенно подхватывались шквалистым ветром. Направлявшаяся к берегу лодка чудом держалась на воде, пытаясь преодолеть высокие гребни.

Не обращая внимания на невыносимую качку, в шлюпке во весь рост стоял *он*. Мгновенно Соню прожгла мысль, что это и есть тот единственный, ожиданием которого она жила столько лет.

Ее охватило пронзительное и невыразимое чувство, которое овладевает человеком в мгновения острого счастья и не забывается уже до конца жизни...

Сильные волны резко откидывали судно назад, не давая прибиться к берегу. Совершая колоссальные усилия, Соня старалась хоть на несколько шагов приблизиться к лодке. Это тянулось невыразимо долго... Ей стало страшно: вдруг он не сможет добраться до земли? Нет, не может быть! Как жить потом без него, зная, что *он* есть?

Внезапно все ее существо глубоко поразило неизбежное, как смерть, осознание того, что шлюпка *никогда* не подойдет к берегу. Соня заледенела от ужаса, ноги перестали слушаться... В этот же миг *он* исчез.

В жутком отчаянии она смотрела на море, ища *его* и не веря своим глазам: на том самом месте, где только что была

лодка, медленно поднимался из глубины и вставал во всю невероятную высоту огромный деревянный крест, тяжелый, мокрый, с грузных перекладин которого потоками сливалась морская вода...

Вдруг перед ней предстала женщина в темном до земли одеянии с глубоким капюшоном, из-под которого едва белел кончик подбородка. «Монашка», – подумала Соня: «Откуда она здесь?»

Женщина приблизилась и, не открывая лица, сказала тихим голосом, без труда преодолевшим могущественный шум бури: «Молись!»...

Через мгновение она исчезла так же неожиданно, как и появилась.

Соня проснулась на мокрой от слез подушке с единственной мыслью: «Как жить без него»? Ощущение было такое, будто над ней совершили акт насильного отделения души от тела. И, вырвав душу, сказали: «Живи»!

... Рано утром, еще до рассвета, Игорь уехал.

Глава 13. Мозг против смерти

Алексей Васильевич, оставшись в кабинете один, посмотрел на часы, которые показывали начало четвертого то ли ночи, то ли утра, взял ручку и уверенным почерком написал: «Прошу отстранить меня от данной темы». Потом подумал и добавил: «По состоянию здоровья». Расписался и с чувством выполненного долга потушил свет, устроившись спать тут же, на диване, предвкушая почти три часа блаженства.

В это время Наталия Ивановна уже подъезжала к дому, думая о предстоящем докладе на утреннем консилиуме. Было ясно, что про сон придется забыть окончательно. Назначенный час выступления приближался с неизбежностью лавины, подобно мощному информационному потоку, который за последние двое суток едва не поглотил ее с головой.

Новый день уже входил в свои безоговорочные права. Сопровождаемый вечным шумом просыпался город...

После контрастного душа и крепкого кофе, привычно по-сжалев о предательском возрасте, не позволяющем фанатично, как в молодости, работать, Наталия Ивановна сосредоточенно взглянула на часы и легкой походкой спустилась к машине.

Утренний консилиум ее откровенно разочаровал: ничего прорывного озвучено не было. Кандидаты и доктора дружно

продемонстрировали вялость и отсутствие всякого настроения на подвиги.

Выходя из аудитории, она привычно подумала: «Умирать нестрашно. Но кому это оставить, на кого? Кто будет биться дальше? Ведь замылят же и забудут всё... Спокойная работа с определенным уровнем жизненного комфорта – вот предел их мечтаний. Выть хочется! Научно-опосредованный планктон...»

– Наталья Ванна! – раздался голос сзади.

Она обернулась и увидела, как по коридору быстрым шагом к ней направлялся Костантин, ее бывший аспирант.

– Здравствуйте, Наталья Ивановна! – как всегда с неувядающим оптимизмом выпалил он.

– Рада видеть вас, Костя! – широко улыбаясь, сказала она. – Как ваши дела? Чем сейчас занимаетесь?

– Да все хорошо, спасибо. Я слушал доклад. У меня нет слов... Я горжусь тем, что Вы мой учитель.

– Спасибо! Так над чем сейчас работаете?

– Наталья Ивановна, у меня есть некоторые соображения по теме вашего доклада.

– Да? Интересно! – с удивлением вскинув брови, ответила она. – Так пойдёмте, Костя, пойдёмте...

– А у вас ничего не изменилось, вот только компьютер другой, да книг еще больше стало, – сказал Константин, оказавшись в давно знакомом кабинете.

– Да, Костя, все по-прежнему... Будете кофе? Я сегодня

кофеманию после бессонной ночи.

– До сих пор научные подвиги совершаете?! Невероятно! Наталия Ивановна, вы совсем не жалеете себя.

– А зачем? Чтобы умереть в расцвете творческих сил? Я несогласна. Нужно успеть как можно больше пока дано время... Так вы кофеманите со мной или нет?

– Конечно! Я же не могу от такой почетной чашки отказаться. Спасибо! – После глотка кофе Константин продолжил: – Я только что из канадского Лондона вернулся, из Онтарио.

– А-а... Работали в Западном университете? И с кем?

– С Лореттой Нортон и Франческо Томайволо.

При этих именах Наталья Ивановна заметно оживилась, в глазах появился блеск охотника:

– Я слежу за их работами, особенно по функциональной МРТ и нейропсихологическому тестированию. Что интересного скажете?

– Не меньше, чем сенсацию: через десять минут после остановки сердца и фиксации смерти мозг продолжал работать на дельта-частотах!

– Костя! А вы хоть что-то привезли? – после короткого молчания, не веря своему счастью, спросила профессор, пристально глядя на него.

– Конечно! Энцефалограммы, МРТ, даже ЭКГ и кислородную насыщенность прихватил. Хотя вся статистика пока укладывается в четырех пациентов реанимации.

– Да это уже немало, совсем немало... – отвечая, скорее, на собственные мысли, пробормотала Наталия Ивановна, и продолжила с отсутствующим видом, – то есть вы мне сейчас заявляете, что остановка сердца и момент смерти разнесены по времени? – Голос ее сделался вдруг молодым и звонким, она вспорхнула из-за стола, где уже остывала очередная чашка кофе, и, раскрасневшись от возбуждения, с укором спросила: – А почему я не видела их статьи? Да-да... Я же не открывала почту... Так где они публиковались?

– В Кембриджском...* – слегка растерявшись, ответил бывший аспирант. Но потом решительно допил кофе и добавил: – У них по коме есть отличные работы: прогресс от вегетативного состояния до минимально сознательного с ответом мозга на пассивные языковые сигналы.

– Да, да... Я знаю. Константину эта профессорская фраза была хорошо известна. В переводе на язык обывателя она означала одно: «Подождите! Меня сейчас нельзя беспокоить».

Понимая, что диалог на время закончился, Костя подключил накопитель с канадскими данными и начал выводить графики электроэнцефалограмм в сравнительные таблицы, в который раз думая о собственном везении.

Наталия Ивановна всегда была для него высочайшим авторитетом. В глубине души он понимал, что учеников огромное количество, а таких учителей, как она – единицы, и

яростно мечтал быть хоть в чем-то на нее похожим...

Ему было уютно и спокойно в ее кабинете. Он вдруг с удовлетворением подумал о том, что ни разу не пожалел о жизненном выборе, сделанном под впечатлением достижений своего знаменитого Учителя.

Глава 14. Парадоксы

Как здорово, что мы столкнулись с парадоксом. Теперь появилась надежда на развитие.

Нильс Бор

Доклад «будущего академика» Александра Ивашова по чипу, вживленному Сгорину, мало походил на научный анализ, зато на брутальную фантастику смахивал однозначно.

После обсуждения «слишком фантастических» данных коллектив в целях сохранения собственного сознания по указанию шефа срочно приступил к его «дефрагментации».

Илья Борисович подошел к окну и широко распахнул его, чтобы «впустить, наконец, ну хоть что-нибудь из адекватности». И, действительно, бархатная свежесть ночи быстро заполнила комнату. Наконец, с видимым удовольствием вдохнув воздуха, он сказал:

– На правах начальства приказываю: по кофе и вперед. А там уж, как пойдет: до утра, так до утра.

Через несколько часов усиленного мозгового штурма, когда атакующее орудие уже отказывалось прорываться и внаглую просилось на покой, Денис, усиленно всматриваясь в монитор воспаленными глазами, пробормотал:

– Пора, однако, светает уже. Шеф, как насчет подведения итогов?

Команда поступила незамедлительно: – Давай, Сань!

– Попытаемся... – отозвался Ивашов. – Итак, что мы имеем по энцефалограммам? – спросил он сам себя и сразу же ответил: – Выключение коры головного мозга, то есть никаких импульсов при ясном сознании.

– Насчет ясного сознания ты не погорячился? – устало проворчал Денис.

– А как прикажешь обозначить состояние в адекватности? Как делирий, что ли? К Сгорину это не имеет никакого отношения. Да скорее мы к себе белочку приведем. Такой боец – настоящий стержень с луженой психикой!

– Господа академики и членкоры, поменьше лирики! Ничего, кроме фактов. Обсуждения потом! – скомандовал шеф.

Бледный от усталости, с торчащими во все стороны волосами из-за привычки взлохмачивать голову во время мыслительного процесса, Ивашов продолжал:

– Итак... Энцефалограмма дает нам три герца при сохранении сознания, но при полном отключении мозга и прекращении мыслительной деятельности. Парадокс? Однозначно парадокс! Амплитуда предельно мала, практически прямолинейна. Для сравнения: подобные дельта-состояния характерны для двух – трехмесячных младенцев. Сбылась мечта идиота, и мы получили подарок для медиума, – сознание вне тела.

– Сань, давай без комментов, – сказал Илья. – Лучше задави меня фактами, можно насмерть... – потом подумал и добавил, – интересно, а как среагирует начальство? Это ж из области космического балета!

– Нет, шеф, так не пойдет, – оживился Денис, – сейчас не первый час ночи, чтобы голые факты анализировать. Аналитический аппарат уже завис на частоте три – четыре между дельта- и тета- и даже готов покинуть тело, чтобы вздремнуть. Кстати, насчет сна. Мне двойную дозу положено: я на частотных фронтах тяжело раненный.

– Да ладно, ладно, как хотите, – сдерживаясь изо всех сил, чтобы не зевнуть, отбился начальник. – Дэн, а ты не напрашивайся, отгул все равно не дадут, пока не закончим со Сгориным... Лучше скажите, куда я большую банку кофе заделал вчера, новую, а? – обращаясь к открытой дверце шкафа, спросил Илья и, безнадежно махнув рукой, отправился под кран с холодной водой.

– Шеф, а ты ее по запаху продетерминарь. Обидно будет, если наглые мыши выпьют итальянский Лавацца, – посоветовал Ивашов.

– И ты туда же, – огрызнулся Илья, вытирая голову полотенцем, – почему-то мне кажется, что не бывать тебе академиком... Давай дальше уже!

– Хорошо. Тут еще один сюрприз – МРТ, которая подводит нас к черепно-мозговой травме. Но! Энцефалограмма уводит строго в противоположную сторону, так как аль-

фа-ритм оказывается сохраненным, – Ивашов медленно обвел взглядом коллег: – Каково! А? Молчите?

– Пусть будущий академик выскажется до конца, – в растерянности отозвался Денис, – не будем ему мешать!

– Просим, просим! – послышались хлопки со стороны шефа.

– Пожалуйста! – Ивашов встал и поправил рукой несуществующий галстук. – Мой вывод краток, как и все гениальное: это па-ра-докс, уважаемые и местами горячо любимые коллеги!

И сразу продолжил, вновь одевая очки перед монитором:

– Мы видим четко локализованные зоны воспаления, связанные и с нарушениями мозгового кровообращения, и с внутричерепным давлением, и с головными болями. Общая картина такова, что последствия, скорее всего, будут весьма трагическими. К сожалению, это факт, – Ивашов тяжело вздохнул и снял очки. – Но! В медицинские подробности вдаваться не буду: я Гиппократом никому не клялся. Поэтому предлагаю технический перерыв для чая с шоколадом.

– Трудовой коллектив единогласно за! – последовал ответ.

Глава 15. Обладать информацией

Qui seminat mala, metet mala (лат.). – Кто сеет зло, тот зло и пожнет.

Наталия Ивановна, без сомнения, принадлежала к тому яркому и знаменитому меньшинству в институте, в кабинетах которого допоздна горел свет и не стихала работа. «Научно-опосредованный планктон», вероятно, уже сытно поужинав, благополучно коротал у телеэкранов очередной бесполезный вечер. Вялая флегматичность тех, перед кем она выступала сегодняшним утром, все же неприятно поразила ее, хотя и не стала открытием.

Собираясь звонить Алексею Васильевичу по поводу уточнений на завтрашний день, она подумала о невероятном объеме фактического материала, оказавшемся в его распоряжении: «Нечасто так везет!»

Взглянув на часы, Наталия Ивановна решила, что еще не критически поздно, звонок можно ненадолго отложить, а вот сварить кофе уже давно пора.

Как только кабинет заполнился крепким ароматом, в дверь постучали и на пороге вырос Константин: – Наталь Ванна, можно к вам?

– Костя! – Улыбнулась она ему. – Проходите, конечно.

– Всё трудитесь? А я и не сомневался, что вы здесь. Даже был уверен, что несмотря на бессонную ночь, продолжаете работать и пить кофе, – выпалил он на скорости, не скрывая радости от встречи с профессором.

– Располагайтесь, Костя! Давайте по-домашнему, не стесняйтесь. Вот кофе, молоко, шоколад. Берите сами!

Весь институт знал, что Наталия Ивановна принципиально не употребляет сахар ни в каком виде, но позволяет себе горький шоколад. Всевозможные торты и печенье, пирожные-мороженые – все это находилось под строгим запретом. «Одумайтесь, – призывала она коллег, – доживите до старости в адекватном состоянии»!

– Спасибо! – ответил Константин, широко улыбаясь и устраиваясь в кресле с чашкой. – Я тут по нейрочипам материалы поискал. Те-е-е-ма... – с нескрываемым удовольствием произнес он протяжно, – мечта, да и только!

– Костя, вы большой молодец! Радуете меня, как и раньше, – Наталия Ивановна выпрямилась за столом, – так что у вас?

– Бионический гибридный нейрочип, рожденный в канадском Калгари, мне кажется наиболее интересным, с точки зрения прогресса в этой теме... – Костя вдруг с удивлением ощутил волнение, как бывало в аспирантские годы во время отчетов профессору. – В последней модели достигнуто гораздо более высокое разрешение. Принимаемые от нейронов сигналы усилены в пятнадцать раз, уменьшено повре-

ждение клеток, участвующих в обмене информацией, благодаря чему запись мозговой активности может быть продлена до двух-трех месяцев. Безусловным преимуществом данного образца считается возможность объединения его с кохлеарным имплантом для последующей установки в мозг.

– Прекрасно, Костя! Вполне лаконичная выжимка, – Наталия Ивановна с явным одобрением посмотрела на своего ученика. – Вы, наверное, знаете, что в нашем институте успешно проводится интеграция датчиков в нейрочип. И сейчас уже набирается статистика по стимуляции электроактивности мозга с помощью чипа.

– Да, приходилось читать на эту тему на английском. Но там статистика хромала. Я имею ввиду открытую, конечно, ту, что без грифов.

– Очевидно уже, – как-то невесело сказала профессор, – что возможность двусторонней связи и обмена информацией между нейроном и чипом не подлежит сомнению. И мы напрямую вмешиваемся в работу мозга.

– Интересно, а что сказали бы на это писатели-фантасты прошлого века?

– Думаю, они испугались бы, и не без оснований. Такой научный прогресс в любой момент может стать необратимым регрессом человечества и даже закончиться его гибелью. Заниматься этим опасно и чрезвычайно ответственно, – Наталия Ивановна глубоко вздохнула, – но мы не имеем права на отставание в этой теме. Иначе... – и не закончив фразу

зу, она продолжила, – мы знаем о задачах, поставленных спецслужбами перед западной наукой. Одна из них – щедро финансируемая разработка непосредственных внедрений в мозг. Конечно, соус, как всегда, благородный, – лечение нейропсихических заболеваний. Но обращаю ваше внимание, Костя, на главное требование: контакт между микрочипом и нервной клеткой должен быть именно “*in vivo*”. Каково, а?

– Мда... Вы знаете, перед поездкой в Канаду я на петербургской конференции был вместе с Михайловским из Нижнего Новгорода, – сказал Константин.

– Очень жаль, что не получилось принять в ней участие, но с Алексеем Петровичем у нас плотное сотрудничество. Его лаборатория добилась прекрасных результатов, особенно в создании гибридных нейросетей.

– Да. И они успешно работают над адаптивным нейроинтерфейсом и воспроизводством синаптической пластичности. Очень вероятно, что совсем скоро получат большое количество нейронов и синапсов на одном чипе... по сути, – человеческий мозг... Реализация чуда?

– Знаете, Костя, я глубоко убеждена в том, что главным здесь становятся совесть и стремление к истине или же их отсутствие. Ради чего совершаются чудеса? Чтобы спасти человека и защитить его от гибели или уничтожить. Третьего не дано, – Наталия Ивановна сокрушенно покачала головой. – Науке нельзя руководствоваться ненавистью. Это банальное преступление. Помните, как в Библии сказано о та-

ких вождях? Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму.

– Несомненно. Но контролировать западных коллег вплоть до намерений и мыслей мы не можем. Как же быть?

– Работать! Много и упорно работать. Других вариантов нет, – убежденно ответила профессор. – Запад очень торопится в теме искусственного интеллекта и, таким образом, подгоняет и нас... Колоссальный объем! Только засучай рукава, – Наталия Ивановна с вдохновением посмотрела на своего ученика. – По разработке имплантов чипа, так называемых нейронных зондов, наши уровни пока хорошо коррелируют. Но их исследования уже приобрели взрывной характер, как ни фантастически это звучит. Интенсивность и скорость немислимые! Так что наши задачи, думаю, ясны.

– Наталия Ивановна, я был бы рад сотрудничеству по этой теме. У меня сейчас отпуск, так что можете располагать мной... если, конечно, труды ученика вам пригодятся.

– Благодарю за предложение! Я сразу же с утра займусь этим вопросом. Дело в том, Костя, что на данную тему нужен допуск. Поэтому решение зависит не от меня... Думаю, что было бы кстати предоставить последние результаты вашей работы в Западном университете. Как вы к этому относитесь?

– Я? – Константин неожиданно порозовел и, почувствовав это, невероятно смутился. – Конечно! Сегодня же за ночь я все и подготовлю. А шанс есть?

Наталия Ивановна разулыбалась: – Шанс всегда есть, до-

рогой мой Костя! Если выполняются необходимое и достаточное условия, что человек жив.

Глава 16. Уничтожить мотивацию и управлять

По выработанной годами привычке Юрий Максимович проснулся за несколько минут до будильника, которым пользовался исключительно для подстраховки. На часах было без десяти пять.

Быстро придя в себя после менее, чем трехчасового ночного сна, за время которого он все же сумел отдохнуть, полковник принял душ, затем торопливо на ходу выпил кофе, при этом смешно потряхивая головой, будто стараясь стряхнуть оставшуюся усталость, и, сосредоточенно размышляя о чем-то, по обыкновению направился на кухню. Он открыл было холодильник, но взглянув на часы, тут же махнул на него рукой. Потом подошел к зеркалу, взглянул на себя отсутствующим взглядом, обдумывая события предстоящего дня, механически поправил галстук, покачал головой в ответ на собственные мысли и быстро вышел из квартиры.

Ровно в шесть в кабинете у Геннадия Николаевича началось совещание в таком же, как и вчера, составе. По хмурым и сосредоточенным лицам было понятно, что удачи с успехами не спешили обгонять друг друга.

– Юрий Максимович, что у тебя к этому часу? – Генна-

дий Николаевич раздраженно погладил лоснящуюся лысину, словно убеждаясь в ее наличии, и этот знакомый жест не сулил ничего хорошего.

– По нашим сведениям, противник активно проводит операцию «Партнер», – полковник в тишине зашуршал бумагами из толстой папки. – Майору Сгорину был имплантирован в мозг гибридный биологический нейрочип, способный записывать электрические импульсы, поступающие от нейронов. Считаю необходимым подчеркнуть доступность технологической информации на данную тему, находящейся в открытых зарубежных источниках, что является показателем уровня осуществляемых вмешательств в сознание.

– Опять ДАРПА всплыла?

– Так точно. Управление минобороны Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA, – с живописным сибирским акцентом произнес Юрий Максимович. – Именно при его астрономическом финансировании знакомый нам Теодор Бергер*, глава Центра нейроинженерии, успешно устанавливает в мозг импланты для преобразования поступающих сигналов в долгосрочные воспоминания. Получена информация, что Бергеру удалось определить импульсы нейронов, отвечающие за этот вид памяти.

– Что у Сгорина по внешней передаче? Я имею в виду внедренную извне цепь «мозг – чип»? – спросил Геннадий Николаевич.

– Наличие двусторонней связи установлено. Вживленный

Сгорину имплант находится в непрерывном взаимодействии с его мозговыми нейронами. Цель противника – полный контроль сознания офицера и стимуляция биологической сети.

– Возможные сценарии?

– Один из вариантов – обучение живой клеточной культуры через чип. Майора Сгорина использовали в операции в качестве биологического объекта. Сначала ему провели релаксацию по всем параметрам, потом обработали мозг излучателем, затем стерли «ненужные» воспоминания о самом вмешательстве. Сегодня мы имеем гораздо больше рисков, в отличие от дела Сазонова, так как обнаружены закладки. Эти программы, пока еще не окончательно идентифицированные нами, – глубоко запрятанная мина, способная рвануть в любой момент. На данном этапе просчитать последствия вторжения в мозг Сгорина мы не можем.

Полковник снял очки, по-видимому, для того, чтобы протереть, но тут же надел их и продолжил: – Не вызывает сомнений и то, что итогом насильственной связи «нейрочип – мозг» будет возникновение «нужной» мысли в голове офицера, и тогда он мгновенно получит приказ на ее реализацию. При этом Сгорин не сможет ни осознавать, что находится под контролем, ни воспринимать команды как навязанные извне... Будет считать это своим естественным поведением.

– Юрий Максимович нервно закашлялся, затем глотнул воды из пододвинутого ему стакана и заключил: – Распознать

в таком случае внешнюю агрессию не представляется возможным.

– Практически Сазонов 2.0, – вот что мы имеем, – Геннадий Николаевич машинально проверил, на месте ли то, где раньше были волосы, и с проскользнувшей тоской в голосе сказал: – Погореть второй раз не имеем права... Ну а чем ты обнадежишь, Сергей Викторович?

– Считаю, что было бы целесообразным попытаться развернуть эту конструкцию в нашу пользу, – ответил подполковник. – В операции «Партнер» ведется передача сигналов от нейронов на внешние носители с целью управления Сгориным. Вопрос в том, как перехватить импульсы от его мозга и насколько реально перепрограммирование... Мы вчера отослали запрос в Нижний, на радиофизику*, – Сергей Викторович говорил четко, холодным голосом, – сегодня утром ждем ответ. Обратились туда, поскольку они смогли получить сигналы от искусственных нейронов к живым и теперь успешно восстанавливают электроимпульсы в поврежденном мозге. Говорят, что, в принципе, готовы заместить нейрочипом дефектные или травмированные участки мозга, чтобы наладить корректную передачу сигналов.

– Юрий Максимович, а где наши профессора-академики? Ты с ними работаешь?

– Безусловно, в тесной связке. Они теперь даже спят по очереди.

– Этот вопрос обсуждали? По перепрограммированию

или по хирургической замене?

– Конечно! Но, несмотря на дефицит времени, необходим хотя бы минимальный период для динамики... Надо точно установить, с чем конкретно на этот раз имеем дело, – глухо отозвался полковник. – Они настаивают продлить срок обследования до трех суток.

– Та-а-к... Ну, теперь, товарищи офицеры, пришла моя очередь вас радовать, – лицо Геннадия Николаевича и без того не отличавшееся веселостью, приобрело угрюмые черты. – Есть новая информация по Сгорину. Цель операции «Партнер» – полный контроль над мозгом офицера. Причем, обращаю ваше внимание, – русского офицера! Противника особо интересуют два аспекта. Первое – разведчик, и второе – русский. Во всяком случае, последние поколения четко относят майора к русскому этносу.

– Значит, вот так в открытую они хотят разобрать мозг и душу на атомы, чтобы докопаться до мотивации, – то ли спросил, то ли подтвердил подполковник Уженев.

– Именно! – лысина Геннадия Николаевича гневно блеснула, – на атомы, частоты, импульсы и на что еще не придумали, – и на это тоже. Сгорин стал для них лакомым биоматериалом: разведчик, а значит, интеллект и мотивация усиливают друг друга. Похоже на привет из ада от доктора Менгеле. «Загадочный русский душа»... Тьфу! – и он зло выругался про себя. – Товарищи офицеры, через три часа жду вас с отчетом. Надеюсь, что сто восемьдесят минут вы использу-

ете с максимальной производительностью, а заодно решите, не объединить ли усилия нашей профессуры с лобачевцами из Нижнего... В середине дня у меня доклад наверх. Всё.

Глава 17. Историческое обнуление

К семи часам утра лаборатория мало чем отличалась от кофейни. Многочисленные шоколадные обертки, накопившиеся за ночь, и крепкий аромат кофе дисгармонично сочетались с усталыми лицами и воспаленными глазами. Илья, Денис и Александр, на ходу обсуждая предстоящий день, подбадривали друг друга фразами типа «умирать легче в кабинете у Максимыча: оттуда сразу на небо без формальностей» или «когда погибаешь вместе с героем, освобождаешься от уплаты налогов».

За ночь все необходимые отчеты были подготовлены. Содержание их не внушало никакого оптимизма. Судьба майора Сгорина продолжала оставаться неясной.

Ровно в восемь утра у Юрия Максимовича началось совещание, на котором присутствовало восемь человек: Наталия Ивановна, Алексей Васильевич, Евгений, подполковник Уженов, Илья, Денис и Александр. Наталия Ивановна принесла материалы на предмет допуска Константина к работе.

Через пару часов воздух в кабинете полковника раскалился настолько, что, казалось, сейчас зашипит. Тем временем подполковник Уженов хладнокровно продолжал:

– К вышесказанному хочу добавить и другой, уже второй вариант операции «Партнер». Обращаю ваше внимание на

колоссальный размах исследований, о чем свидетельствует находящаяся в открытом доступе ежегодная презентация в Пентагоне, которую провела ДАРПА*. Ее тема – разработка биоматериалов с заранее заданными свойствами. Заключение наших экспертов по биооружию таково: несомненная цель противника – избирательное действие против конкретного этноса. Если в нейронную сеть встроить определенную конструкцию, тогда реализация данного замысла, – вопрос времени, причем ближайшего, – при этих словах внешняя невозмутимость Сергея Викторовича вдруг сменилась еле заметным румянцем, который, впрочем, тут же исчез. – Таким образом, цель вражеской операции – тем или иным способом уничтожить мотивацию, выкинув ее из головы русского бойца.

Сразу после этого – ввести сознание в зону полной индифферентности, а затем уже обработать его с целью радикального изменения. Ну, и в случае успеха, данные методы, несомненно, будут поставлены на поток, – подполковник осмотрел присутствующих, будто желая понять их реакцию, и добавил: – Относительно работы со Сгориным... Юрий Максимович, к одиннадцати тридцати ожидается прибытие двух радиофизиков из Нижнего.

– Я понял вас, – в который раз со сдержанной яростью протирая очки, ответил тот. – Наталия Ивановна, хотите добавить по теме?

– Да, именно по этому вопросу. Буквально несколько ме-

сяцев назад китайские товарищи в Чжэцзянском университете успешно провели исследования по мотивации и общественному доминированию. В мозге грызунов была определена группа нейронов, при стимуляции которой мыши выигрывали соревнования или занимали верхушку социальной пирамиды. Причем первое завоевание прочно фиксировалось в памяти, что потом неуклонно мотивировало мышей на поединок за «золото».

– И вывод? – спросил полковник.

– Итог очевиден: нейроны мышей-лидеров быстро адаптируются к успеху и затем четко настраивают мозг на победу. Могу здесь процитировать китайского невролога: «Если вы впервые столкнетесь с несколькими врагами и победите их, то в дальнейшем психологически всегда будете настроены на выигрыш, даже в борьбе с превосходящим противником».

– Вот вам и история нашей победы, – пылко сказал подполковник Уженев, – вернее, объяснение причин ценить ее и помнить всегда, независимо от политической конъюнктуры.

– А если из истории изъять великие победы, то вот вам и обнуление, – мрачно добавил Юрий Максимович.

В кабинете повисла неестественная тишина, которую прервал чекистский голос полковника:

– Подведем итоги. Алгоритм таков. Сегодняшний день – наиважнейший: занимаемся разблокировкой сознания Сгорина. Рассчитываю, что лобачевцы из Нижнего внесут свою лепту. Как говорится, один ум – хорошо, а два – лучше.

В случае необходимости уже подготовлен слипер. К вечеру ждем результатов. Если безуспешно – завтра решаем вопрос по мозгу майора с нейрохирургами. Евгений Николаевич, Наталия Ивановна, Алексей Васильевич, при этом варианте – от вас доклад о возможных последствиях. Надеюсь, до обнуления Сгорина не дойдем... На этом все. Время пошло.

Глава 18. Обреченный на поединок

Alea jacta est (лат.). – Жребий брошен

Со дня совещания прошло трое суток...

Надежда на успех рухнула. Глубокое и болезненное разочарование витало в воздухе. Обстановка искрилась, как оголенные провода. Никто не хотел соглашаться с провалом.

В комнате, служившей когда-то курилкой, а теперь оборудованной на манер помещения для отдыха, шел тяжелый процесс осознания случившегося.

– Лёш Васильич – виртуоз, конечно, но не гений. А что бы ты предложил? – Илья с досадой спросил Ивашова.

– Не знаю, – понуро ответил тот, – может, надо было удаление чипа в коме провести...

– Ребят, слушайте, главное, что личность сохранена. Что может быть хуже обнуления? Чип удалили, но шансы для воспоминаний остались, – с жаром заявил Евгений.

– И это называется сохранением личности? С такой жесткой фрагментацией сознания? Ты серьезно? – Денис был на взводе и не скрывал этого. – Почему никто не скажет правду о том, что Игоря изуродовали? Мы не смогли спасти человека! – он залпом осушил бокал с холодным вчерашним чаем. – Его разделили просто, неужели не понимаете? Сгорина

теперь два: один – до, другой – после. Как он жить будет?

– Слушай, Дэн, – Илья старался говорить подчеркнуто спокойно, – у Игоря огромное количество нейронов повреждено именно из-за принудительного участия в обмене информацией... Со временем он и без посторонней помощи дошел бы до вегетативного состояния. Американские «партнеры» не о здоровье его заботились.

– Значит, ты считаешь, что теперь, с сознанием в виде обломков Сгорин не докатится до бодрствующей комы?

– Есть шанс, что нет. Один из тысячи... или из миллиона, – Евгений ответил за Илью, – но мы сохранили такую возможность.

– Давайте трезво оценивать ситуацию, – сосредоточенно сказал Ивашов. – На Игоря было оказано мощное воздействие. Просчитать его последствия мы можем только вероятно...

– Да никто теперь не даст прогноза по Сгорину! – возбужденно перебил его Денис. – Насколько он будет адекватен? Как насчет уходов, провалов или деградации, например, до маразма?

– Дэн, итак понятно, что здесь во всем риск, что об этом говорить! – голос Ильи Борисовича прозвучал как-то особенно мрачно, – но хоть минимальный шанс ему оставили, – а это лучше... гораздо лучше, чем ничего!

– Ясно... все умывают руки, – съязвил Денис, – а Сгорин теперь обречен до конца жизни играть в рулетку, причем

один на один. Будет приползать к нам под капельницу и на снимки, а все остальное время – бороться с тем, что когда-то было его сознанием, ясным и четким, а теперь превратилось в драные лоскуты...

– Хорош пеплом посыпаться! – прервал его Илья. – Завтра консилиум. Лёш Васильич с Н.И. вместе родят какую-нибудь идею. Посмотрим...

Обсуждение на этом оборвалось. Евгений заспешил, но перед выходом вдруг сказал:

– Помните, как говорит наша любимая Н.И.? «Шанс всегда есть, если выполняются необходимое и достаточное условия, что человек жив».

Глава 19. В отдаче себя

В кабинете у Алексея Васильевича было светло и непривычно тихо. Сидя за столом, профессор смотрел отсутствующим взглядом на безмолвных собеседников – ряды книг, журналов, толстых и тонких папок, и с удивлением вспоминал, что совсем недавно он чувствовал себя уверенно и благополучно. Теперь же внутреннее состояние было просто отвратительным, словно это по его вине пришлось оперировать Сгорина.

И опять, в какой уж раз, он мысленно каялся за малодушие, о котором никто и не знал, кроме него самого. Ведь он так и не дал ходу собственному заявлению с просьбой об отстранении от дела, сославшись на состояние здоровья. Но как больно прожигал его этот непростительный испуг! Даже не испуг, а страх ответственности. И вот теперь... «Как продолжать работать, зная, что не только не помог человеку, а обрек его на пожизненные муки? И какие муки!»

Он встал, подошел к шкафу и медленно, с какой-то неизбывной грустью, провел рукой по книгам, спрашивая их вслух: «Что значит спасение сознания? Может быть, это всего-навсего неоконченное разрушение? Подведение мозга к смерти без фиксированного момента ее наступления – это уничтожение или сохранение личности человека?»

Какое-то время профессор неприкаянно ходил по кабинету, тяжело вздыхая в ответ на внутренний монолог, а потом воскликнул, пытаясь себя убедить: «Мозг – посредник между двумя мирами*. Атомы и Вселенная – всё проще, чем мозг. Надо это понимать! Нельзя опускать руки. Я же не студент, в конце концов. Нужно работать. Хватит эмоции распускать!»

Алексей Васильевич вернулся за стол, посмотрел на часы, подсчитал что-то в голове и позвонил Наталии Ивановне:

– Доброе утро! Вы освободились? А... Понятно. Наталия Ивановна, приезжайте-ка ко мне. Как говорится, выпьем хересу, потолкуем, – пошутил он. – У меня для вас отличный Молилари припасен. Покофеманим, как бывало?

Уже спустя полчаса за чашкой кофе оба профессора обсуждали не столько дальнейшую судьбу Сгорина, сколько вопросы философии.

– Нет, Алексей Васильевич, для него все еще только начинается. Думается мне, что от самого Игоря зависеть будет гораздо больше, чем мы с вами можем предположить... Я имею в виду не только его физические данные, но и уровень интеллектуального и даже духовного развития. В этой ситуации оно необыкновенно важно!

– Согласен. Чьи это слова: «Человек – потенциально бесконечная личность»*? Вы помните?

– Кто-то из древних святых. Точнее не скажу, – Наталия Ивановна недовольно нахмурила лоб и раздраженно потерла

его: – Как мешает возраст, если б вы знали!

– Да уж вам ли...

– Ну да сейчас не об этом... «Личность совершается в отдаче себя» – эти слова точно принадлежат Владимиру Лосскому, одному из моих любимых философов. Потрясающий эрудит! – и вдруг без всякого перехода Наталия Ивановна спросила: – Как считаете: транскраниальная стимуляция имеет смысл?

– Несомненно! – с вдохновением отреагировал Алексей Васильевич. – Но вот какой вопрос меня волнует: а не лучше ли провести ее в коме? Завтра консилиум по этому вопросу. Я буду настаивать на введении Сгорина в искусственную кому.

– Однозначно поддерживу! – горячо ответила Наталия Ивановна, – пока есть шансы, пусть и скромные, пытаться нужно до конца. Вы правы... Кома и стимуляция – это единственное, что нам остается. К завтрашнему утру подготовим предложения. Да, как раз сегодня вечером возвращается Костя с конференции по транскраниальным методам. Посмотрим новые данные... Почему нет? Импланты у Сгорина теперь не стоят. Так что после выведения из искусственной комы...

– Согласен.

– Да... Подсознание непредсказуемо, – Наталия Ивановна будто отозвалась на собственные мысли и мельком взглянула на часы. – У меня спецкурс через сорок минут. Вынуждена вас покинуть, дорогой профессор, – сказала она, тепло

улыбнувшись.

– Спасибо, – Алексей Васильевич с чувством пожал ей руку, чем вызвал едва заметное удивление, – сегодня мне было особенно приятно пообщаться с вами. Иногда начинаешь понимать, насколько ценно иметь единомышленника в нашей работе.

Уже у порога Наталия Ивановна вдруг спросила:

– А сны?

Алексей Васильевич посмотрел на нее в растерянности и удивлении.

– Кто их сейчас ведет у Сгорина? Эту работу нельзя прекращать. Она очень важна!

– Ах, конечно, ну что вы, – с облегчением выдохнул профессор, – этим, как и раньше, занимается Евгений, он там, как рыба в воде, – и с улыбкой добавил: – Они, наверное, с Игорем уже одинаковые сны видят и отталкивают друг друга в борьбе за главную роль... Да, если хотите, могу завтра поделиться его отчетами.

– Было бы замечательно! – И Наталия Ивановна выпорхнула из кабинета, вдохновленная планами и перспективами.

Алексей Васильевич с восхищением покачал головой ей вслед:

– Удивительная женщина – неиссякаемый источник энергии! Вот кто подвижник науки!

Глава 20. Жертвовать или освободиться

Tempore felici multi numerantur amici (лат.). –

В счастливые времена бывает много друзей

После хирургического вмешательства состояние Игоря вызывало серьезную тревогу.

Наступил нервный период ожидания. Не оказалось никого, кто рискнул бы сделать прогноз того, куда качнется маятник сознания майора Сгорина.

Завершив послеоперационную реабилитацию, врачи, наконец, позволили Игорю находиться дома под медицинским контролем. Раз в два дня его привозили в клинику для обследования и лечения. Прогресса не было. Ситуация зависла...

Психика и сознание майора Сгорина впервые проходили такую жесткую проверку на прочность.

Андрей, старый друг и коллега, изо всех сил старался помочь Игорю. Ради «извлечения позитива из рутины» он организовал на загородной даче дружеский пикник.

– Спасибо тебе, Андрюш! Изумительный день! – Соня со счастливой улыбкой наслаждалась солнцем, сидя в качалке

на дачной веранде. – Просто глоток свежего воздуха... За последнее время я совсем отвыкла от праздников. Даже не верится, что когда-то у нас с Игорем была другая жизнь... Как быстро она закончилась!

Андрей, оторвавшись от сакрального процесса приготовления шашлыка, бросил на нее тревожный взгляд: – Устала?

– Знаешь, наверное, просто оказалась неготовой ко всему, что свалилось... Раньше я за Игорем была как за бетонной стеной. Он закрывал собой от проблем и неприятностей. Я и не знала, что так неожиданно может все измениться, – Соня повернула голову, чтобы не было видно внезапно набежавших слез. – Порой мне кажется, что я схожу с ума вместе с ним. Надо как-то жить, а как? Такое ощущение, что была дорога, и вдруг оборвалась. А дальше просто ничего нет, ни тупика, ни пропасти, вообще ничего... – пустота. Начинаешь думать, а зачем жить, – справившись с комком в горле, она устала на деревянный пол, по которому неторопливо полз иссиня-черный жук, отливая лакированными крыльями, и подумала: «Даже насекомое знает, что ему делать и куда ползти».

– Игорю тяжело. Такие испытания – только для избранных. Если ты его не вытацишь, то кто? – сказал Андрей глухим голосом, резанувшим контрастом по безоблачной пасторальной картинке.

– Да... да, я знаю. Но как мне ему помочь? Иногда становится очень страшно, когда я понимаю, что он меня не ви-

дит. Он смотрит куда-то вглубь себя, туда, где мне нет места, и я не знаю, кто там, рядом с ним... И в такие моменты я думаю, что мама права.

– К отцу уговаривает уехать?

– Давно уже, когда только стало известно, что с Игорем случилось что-то страшное... Понимаешь, я всегда считала, что совершу предательство, если брошу его в таком состоянии. И потом... как бы я смогла жить без него, я же его любила.

– Любила?! – Андрей пристально взглянул на нее. – Теперь не любишь уже?

– Андрюш, пойми! Мне нужно сохранить адекватность, собственную голову. Если я свихнусь, это никому не поможет.

– Я тебя очень хорошо понимаю, Сонь, – Андрей аккуратно взял ее за руку. – Но это проверка: кто ты, кто он... В семье ведь каждый важен, и муж и жена. Жизнь – непростая штука, иногда очень запутанная. А счастье как вспышка, всего-то мгновенье, покажется и исчезнет. Но оно не просто так приходит, а для того, чтобы потом его помнить и стремиться к нему опять... Знаешь, у меня друг есть. Ему ногу ампутировали. Так он только через полтора года в себя приходиться начал. Полный слом всего: работа, спорт, быт... все закончилось. Несколько дней назад мы встречались. Говорит, если бы с ним такое... как с Игорем, – не вынес бы. А твой Игорь герой, настоящий мужик! Поддержи его!

– Да, да! – почти выкрикнула Соня. – Только как, если специалисты, академики не смогли? Как я верну ему память, заставлю его мозг работать? Что я могу? – на ее ухоженном лице вспыхнул яркий лихорадочный румянец. – И, вообще, непонятно, несут ли они хоть какую-то ответственность за то, что делают. Может просто кому-то понадобилось материал для диссертации собрать, а? Иначе зачем эти бесконечные эксперименты с Игорем? Ты помнишь, каким он был, помнишь? – Со злобными искрами в глазах и горящими щеками Соня казалась не похожей на себя. – Он был человек, разумный. И мужчина. И живой! А сейчас? Его насильно превращают в растение! Неужели незаметно? Кто за это будет отвечать? Я? Они на меня хотят все повесить?! Я живу в аду! Ты это понимаешь?

– Соня, милая, успокойся! Выпей что-нибудь, – Андрей, обескураженный ее невероятной горячностью, вложил ей в руку бокал с вином. – Не надо так! Прошу тебя, не расстраивайся! Давай спокойно обо всем поговорим, хорошо? Не нужно так нервничать, пожалуйста...

Через несколько минут Соне, казалось, удалось прийти в себя и она с каким-то отрешенным видом и леденящей обреченностью в глазах смотрела на Андрея, который нежно и даже трепетно гладил ее руку.

– Никто не виноват в том, что происходит. Ты ведь прекрасно это знаешь, Соня... Сейчас изменить ничего не возможно. У Игоря такая травма, лечить которую еще не научи-

лись. Поверь, что им занимаются лучшие врачи. Пока вот так... Но доктора говорят, что шансы есть. Ему нужна вера и поддержка. От него самого зависит очень много. Но что он без тебя? Ты для него единственная женщина на всем белом свете. Да и не только женщина... Но и жена, и любимая, и дом, и вся его семья...

– Ой, перестань! – Соня вырвала руку. – Это ты сейчас так говоришь, когда Игорь заболел, причем так тяжело, что никто не знает, что делать. А раньше? Да его же ничего, кроме работы, не интересовало. Да, я была... Номинально! Как и наша семья... Теперь вдруг оказалось, что я играю важную роль в его жизни, – она прерывисто выдохнула, дернув рукой.

– Я не верю своим ушам. Что ты говоришь? Соня, где ты? Спустись на землю! Здесь всегда так. Хорошо – плохо. Сладко – горько. Приятно, а потом больно. Реальная жизнь очень далека от сказки! Хочешь на другой маршрут пересесть? Так и там будет то же самое, только в иной форме. Трудностей испугалась?

– Трудностей? Какое выверенное слово! Нет! Я в ад не хочу возвращаться! А ты захотел бы? Что смотришь такими глазами? Чему-то удивляешься? – Трясущимися, как в лихорадке, руками Соня поставила опустошенный бокал. – Никто не говорит мне правду, – голос ее начал вибрировать. – Я это вижу, чувствую... Скажи, почему меня к нему в госпиталь не пускали? У моей мамы столько знакомых врачей,

грамотных, хороших специалистов. Если ваши так называемые профи не в состоянии помочь Игорю, почему нельзя обратиться к другим? Что все это значит? И откуда у него такая странная травма взялась? Проводят научный опыт с моим мужем вместо кролика? А я избрана на почетную должность прислуги? Так пусть благодарная страна найдет ему сиделку с железобетонной психикой, которая смогла бы находиться в этом аду круглосуточно. А если ни одной дуры, подобной мне, больше уже не живет на свете, значит...

– Соня, а в чем вина Игоря? – резко перебил ее Андрей. – В том, что он отдал себя родине? Всего отдал! Просто подумай об этом спокойно... Народ живет, мирно спит ночью, детей растит. Кто-то ворчит от скуки и упивается своим вечным недовольством, а кто-то ради того, чтобы это все обеспечить, терпит невыносимые муки... Но как по-другому? Ты знаешь?

– Послушай, Андрей. Мой муж сознательно выбрал себе такую работу, он стремился служить стране, в том числе и ценой своего здоровья или жизни. Но я... не подписывала никаких контрактов. А сейчас меня принуждают это сделать насильно просто потому, что моя фамилия Сгорина, – Соня взглянула на него, но Андрей будто окаменел, лишь взбухшие на скулах желваки выдавали внутренний вольтаж. – Тогда объясни мне, пожалуйста, в чем разница между моей ситуацией и той, когда людей закапывают в землю живыми. Как поднять эту ношу? Кто поможет мне, а не Игорю, кто? С ним

носятся, как с торбой, а меня будто совсем нет; просто пустое место там, где когда-то была я, молодая, здоровая и красивая. Меня заставляют принести жертву, а у кого есть такое право? Почему я должна стать старухой, больной и брюзжащей, и в озлоблении доживать вместо того, чтобы жить? А потом народ просто плюнет в мою сторону и в какой-нибудь поликлинике еще обзовет и унизит от всей благодарной души. А я вытрусь кружевным платочком и вернусь домой к своему героическому мужу-растению, отдавшему себя родине. Так? Поступить я должна так?

– Он зависит от тебя, любимой женщины... Ты в состоянии это осознать? – Андрей повысил голос, но быстро спохватившись, продолжил более спокойно. – Выкарабкается он или нет – решение за тобой. На самом деле ты можешь гораздо больше, чем думаешь. Игорю необходима твоя вера в него. Момент тяжелый... очень! Но пришла пора, когда надо отвечать за семью. Как иначе? Сначала используешь – потом отвечаешь. Это как весы. Все же просто. Надо только внутри себя решить, Соня!

– Предлагаешь мне подписать смертный приговор? Так казни меня прямо здесь, что уж тянуть-то? – она уставилась на Андрея знакомым враждебным взглядом.

– Решай сама... Это твой муж и жизнь твоя. Никто не имеет права принуждать. Только думай быстрее! – голос Андрея стал жестким. – Когда надо принимать серьезные решения, не нужно терзать ни себя, ни других! – И оставив шашлык

на затухающих углях, он пошел в дом.

– Ты куда? – взволнованно спросила Соня.

– За Игорем, – последовал резкий ответ.

Погрузившись в древнее фамильное кресло, глубокое, местами скрипучее, с неоднократно перетянутой обивкой, Игорь сидел, полуприкрыв глаза. Было непонятно, то ли он спал, то ли смотрел телевизор. Андрей слегка тронул его за плечо, но реакции не последовало:

– Думаешь обмануть разведку? Вставай, старик! Пойдем порвем шашлык, как дикие хищники!

Игорь будто неожиданно проснулся и попытался встать, но едва не упал, не найдя опоры. Андрей успел его подхватить и, контролируя каждое движение, вывел в сад. Соня поспешила пододвинуть мужу стул, стараясь при этом ни на кого не смотреть.

– Ну как, порядок? – заглядывая в лицо другу, спросил Андрей. – Пойду Бориса Федоровича позову. Соня, ты давай накрывай! Я сейчас.

Занимаясь столом, Соня видела боковым зрением, что Игорь продолжал сидеть неподвижно в неизменной позе. Подобное его состояние было для нее чем-то вроде изощренной пытки. Под ложечкой привычно похолодело, по ногам побежали ледяные мурашки, а потом начало подташнивать.

«Разве мама хочет мне зла? Она же меня любит. Самое трудное будет пережить *этот* момент, а потом точно станет легче, однозначно. Во всяком случае тяжело так, как сейчас,

уже не будет больше никогда», – мысль о том, что надо всего лишь раз пережить страшный миг расставания, поразила Соню своей жестокой простотой. И мысленный монолог она завершила словами: «Все равно хуже некуда».

Избегая смотреть на Игоря, она быстро прошла мимо него в дом и достала из сумочки таблетки. Недолго поразмыслив, выпила две штуки вместо одной и вернулась в сад с единственной мыслью: «Сейчас... сейчас мне будет легче!»

Через несколько минут пришли Андрей и Борис Федорович. Они что-то оживленно обсуждали, пока не приблизились к Соне; потом явно изменили тему на вопрос о погоде в выходные дни, всем видом демонстрируя беспечность.

Борис Федорович, сосед Андрея по даче, постоянно грозился уйти на пенсию, чтобы «наконец, отдохнуть, как люди», но каждый раз откладывал это долгожданное событие, говоря: «Родина не отпускает. Оставить не на кого. Зелени доверить ничего нельзя. Опыта нет. Развалят все».

Ему было уже хорошо за шестьдесят, но выглядел он намного моложе, вероятно, потому, что ум оставался удивительно цепким, а памяти стоило позавидовать. Любимое выражение из Лермонтова «Да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя» он вставлял направо и налево, как и собственную фразу «Скажи-ка мне, друг, а что такое совесть».

Даже смерть любимой Вареньки, с которой они прожили сорок лет, не сломала его, хотя сильно пошатнула и до осно-

вания перетрясла на прочность. Коллеги между собой называли его ДФ – Дуб Федорович, говоря, что настоящих мужиков не срубить, их можно только выкорчевать с корнем.

– Ну, молодежь, за ваши успехи! – поднял бокал Борис Федорович. – Если упорно идти вперед, обязательно дойдешь до победы. Проверено!

Игорь заметно оживился в такой компании и даже сделал символический глоток вина, а потом попытался рассказать что-то Борису Федоровичу, изо всех сил стараясь не тормозить при этом. Речь его, тем не менее, как и дикция, были значительно повреждены: говорил он с большими остановками, с трудом выговаривая слова.

После застолья Соня с бокалом вина ушла на веранду наблюдать за бархатным закатом. Ей овладело чувство острого сожаления оттого, что отдых так несправедливо быстро заканчивается и ничего другого, кроме невыносимого одиночества в присутствии мужа и бесконечно-долгой бессонной ночи ее не ожидает.

Она смотрела на уходящее солнце и думала о том, существует ли разница между концом дня и концом жизни... «Если семейное благополучие внезапно превращается в страдание и еженощные слезы, надо приносить себя в жертву? Друг... он просто друг, а я жена», – думала она об Андрее. «Он порассуждал и свалил, а мне жить... мне быть с ним каждую минуту. А каково это – ни один друг не знает. И ему, конечно, неинтересно, каким катком на меня надвигается

конец... еще чуть-чуть и я просто загнусь... и это в лучшем случае, если повезет. А если нет – то завершу свою жизнь в психушке после долгого и мучительного лечения. Кому я тогда помогу? Игорю? Маме? А, может, ему – лучшему другу? Друзья... Они все останутся здесь, с этой стороны. А в той жизни, которая за закрытой дверью, – их нет. Там я одна с нечеловеческим ужасом, и никого это не трогает».

Игорь остался за столом в одиночестве, и развернувшись в сторону клумбы, долго и трогательно смотрел на розы. После захода солнца воздух остывал быстро, наполняясь новыми ароматами, освободившимися из плена дневной дремы.

Соне захотелось накинуть что-нибудь на плечи. Из окна комнаты, где на старом стуле висел ее свитер, она увидела Бориса Федоровича и Андрея, которые стояли с другой стороны дома и негромко разговаривали. По сосредоточенному выражению лиц было ясно, что разговор серьезный.

Соня подошла к окну, задернутому занавеской, и медленно, стараясь не привлекать внимания и не шуметь, приоткрыла его.

– Часто у него так? – спросил ДФ.

– Да нет... но случается в последнее время. Как будто приступами... Завтра опять на диагностику, по очередному кругу, – Андрей нервно закурил.

– Хоть какие-то подвижки намечаются?

– Глухо.

– Если столько времени держится, значит, надежда есть. Иначе был бы уже овощем... Ты же в курсе, Андрей. Что молчишь?

– Да знали бы вы, сколько всего испробовали, и старого, и нового. Никто ничего сказать не может, только руками разводят. А ведь случаи есть невероятные просто: и из комы выходят, и с того света возвращаются. Да вы и без меня знаете.... Ему вера нужна! Чтобы сам верил, и чтобы в него верили. Тогда он справится, такие не ломаются.

– А Соня что? Как-то не нравится мне она... Сдалась уже?

При этих словах Соня почувствовала, как к горлу подкатила тошнота, стены дома задвигались и поплыли куда-то вместе с полом, в ушах зазвенело, и наступила оглушительная темнота...

Глава 21. Сбросить ответственность

– Вы муж Сгориной? – раздраженно обратился доктор к Андрею, выходя из кабинета, и не дожидаясь ответа, добавил: – Мне надо с вами поговорить. Пойдемте!

В зале, похожем на зимний сад с множеством экзотических растений, было просторно и немногочленно. Они сели на длинную скамью между огромным фикусом и маленьким фонтаном, и врач откровенно враждебно взглянул на Андрея:

– Будь моя воля, я бы таких мужей в тюрьму сажал... Извините! – сказал он, стараясь успокоиться. – Что же вы, молодой человек, так обращаетесь со своей женой?

– Так объясните мне, в чем дело!

– Тогда уж и вы мне объясните, зачем вам дети.

– При чем здесь дети? – Андрей пристально взглянул на пожилого врача, весь внешний вид которого выдавал в нем добротную старую медицинскую школу.

– Пять недель беременности, а ваша жена употребляет транквилизаторы одновременно с алкоголем. Вы что же, не понимаете, каким родится ребенок, или хотите сделать из жены слабоумного инвалида?

Андрей слегка отпрянул от доктора и встал. Он в онемении смотрел на говорящего расширенными глазами.

А тот возбужденно продолжал:

– Вы хоть в какой-то степени отдаете себе отчет, что с ней будет? Если семейная жизнь не ладится, надо искать выход, но не пускать все на самотек. Понимаете, что ее ожидает? Когнитивная дисфункция, разрушение клеток мозга, снижение интеллекта, паркинсонизм... Я не говорю о плоде, которому такие горе-родители гарантируют нарушение развития. Это настоящее преступление, достойное самого серьезного наказания. Задумайтесь, у вас уже определенный возраст! Нейролептики вкупе с алкоголем – это бомба замедленного действия. – Доктор поднялся и продолжил, глядя прямо в глаза Андрею: – Хотите сбросить с себя ответственность? Наверное, привыкли только пользоваться? Вы же человек, и у вас должна быть совесть! – и повернувшись, чтобы уйти, добавил: – Идите в церковь и вымаливайте прощение, иначе и последнее потеряете.

Уже на ходу врач бросил, что Соня пробудет у них не меньше недели.

Андрей медленно сел, обхватил голову руками и устался в пол; потом почувствовал, как вдруг стало трудно дышать, распрямился на скамейке и, спустя несколько минут, торопливо вышел из больницы.

Глава 22. По чужому сценарию

Кто не знает, куда направляется, очень удивится, попав не туда.

Марк Твен

«Господи, за что мне все это? Неужели я самая грешная на свете? Никого не убила, не обворовала... Что я, хуже всех? Уж лучше бы и не было в моей жизни Игоря с таким коротким семейным счастьем! Будто насмешка над судьбой... Я же не кукла, а живой человек!» – Соня с болезненной тоской смотрела на безоблачное небо через чисто вымытое больничное окно. «Что мне делать в Хабаровске? Ну хорошо, будем жить там вместе с отцом, как хочет мама. Но это нужно не мне, а ей. У отца там работа, а я чем буду заниматься? Тосковать по былому счастью?»

Тут дверь в палату распахнулась, и в комнату влетел мощный энергетический вихрь в виде Ирины Васильевны с большой сумкой и пакетом в руках:

– Ну, наконец-то! Дочь, больше никаких мучений! – выпалила она, прижавшись густо покрашенными губами к щеке Сони. – Собирайся! Всё здесь, – кивнула она на сумку. – Времени в обрез. Такси я уже вызвала. Через два часа – заезд в санаторий.

– А домой? Я думала, мы сначала домой поедem...

– Зачем? Не будем терять времени. Вперед, навстречу новой и радостной жизни! Давай, давай! Я сейчас только к главному на секунду забегу. Одевайся!

Соню привычно затошнило оттого, что против собственной воли она вновь оказалась затянутой в воронку мамино-го диктата. «Неудачница девочка-переросток» – вот и вернулось всё на круги своя.

Да мама и не скрывала безудержной радости от их расставания с Игорем. Она ведь всегда знала, что для дочери хорошо, а что плохо, и только ее, материнский, сценарий был единственно верным.

Соня иногда даже говорила ей: «Ты не мама, а папа, – Папа Римский. Потому что он непогрешим и никогда не ошибается». На что слышала неизменный ответ: «Я мать. И этим все сказано».

– Так, – решительно входя в палату, отрезюмировала Ирина Васильевна, – с главным согласовали. Если будет нужно, вернешься сюда дней на десять после санатория. Там посмотрим... Пошли! – и подхватив сумку, застыла в удивлении, взглянув на дочь.

Соня беззвучно плакала. На лице ее отражалась безысходность, граничащая с отчаянием.

– Да что ты, дочь? Что ты? Ну-ну, успокойся! Все уже закончилось. Сейчас отдохнешь, поправишься, а потом и вообще забудешь про своего муженька-инвалида. Другую жизнь

начнем! Как закрутится, да завертится... Все будет хорошо!
Ну пойдём, не кисни! Время не ждёт.

Уже в такси Ирина Васильевна заговорщическим тоном сообщила Соне:

– Исключительно во имя твоего спокойствия и чтобы тебе не пришлось общаться с ним самой, я утром позвонила Игорю. Ну, конечно, в основном ради приличия, – при этих словах она повела головой кверху, что означало ее неоспоримую правоту. – Я сказала ему, что заберу тебя из больницы и его помощь нам не нужна, так же, как и его друзей-сослуживцев. – И сбавив голос почти до шепота, вынесла вердикт: – После санатория видится с ним тебе не надо. Жить будем у нас дома, потом уедем к отцу.

И сразу же не терпящим возражений тоном обратилась к водителю: – Молодой человек, при такой, с позволения сказать, скорости и опоздать можно. Санаторий нас ждать не будет: у них строгое расписание.

Уже ближе к концу пути, за время которого Соня не произнесла ни звука, Ирина Васильевна сказала дочери на ухо:

– Ни о чем не волнуйся! Я сама займусь вашим разводом. Договорюсь с кем надо, все оформлю. Только распишешься в документах и сможешь забыть об этом идиоте навсегда.

– Мама, зачем ты так? Как ты можешь? – Сонины щеки вспыхнули гневной краской.

– Всё-всё, не волнуйся! Конечно, он не виноват в том, что получил травму. Хотя, кто это знает теперь?.. Но идиот-то

тебе зачем? Ты у меня такая красавица! Одна фигура чего сто́ит: хоть сейчас на подиум. Надо уметь себя ценить, дочь. Поняла? – Ирина Васильевна обняла Соню, слегка встряхнув ее, как грушу. – Да весь Дальний Восток будет у твоих ног, вот увидишь.

Через несколько минут молчания, не получив ожидаемой поддержки от дочери, Ирина Васильевна углубилась в тему:

– Говорила я тебе, что с чекистом связываться себе дороже. Но ты же меня не слушала. Любовь! Да это такие люди, с которыми нельзя иметь никаких отношений: замучаешься разгребать потом. Вот сейчас, кто из них тебе помог? Только мать одна рядом, и все.

– Игорь работает на нашу страну, – голос Сони задрожал.

– Хм... и сейчас всё продолжает работать? Никак не может остановиться, значит?

Неестественно бледное лицо Сони запылало лихорадочно-багровым румянцем.

Не обращая внимания, Ирина Васильевна продолжала идти ледоколом:

– Да и само замужество с ним было предательством нашей семьи, – заявила она, поведя головой кверху.

– Ты сама себя слышишь, мам? – Соня с удивлением смотрела на нее.

– Слышу, дочь. А вот ты не хочешь меня услышать, к сожалению. Они моего отца расстреляли, деда твоего.

– Какой сейчас год, мама? Ты меня удивляешь просто!

Игорь его расстреливал?

– Да все они одинаковые. Что изменилось-то?

– У Игоря дед тоже был расстрелян как враг народа.

– Да-а? – Ирина Васильевна не на шутку удивилась. – Я не знала...

После недолгого замешательства, переварив шокирующую новость, она парировала:

– Значит, было за что. Небось, НКВДшником был. Свои своих же и поедали, как ядовитые пауки.

– Он ученым был, исследованием мозга занимался.

– Да откуда ты знаешь, наивная такая? Игорю поверила? Он и не такие сказки расскажет, его этому специально обучали.

– Но ведь ты же знаешь, кем твой отец был?

– Знаю. Он честно работал в торговле, экономику страны поднимал после войны... Ты не представляешь себе, что такое никогда не видеть своего отца. Как обидно сознавать, что он несправедливо пострадал. Да у меня из-за этого детства не было! Чекисты кровь проливали, как воду. Такое можно забыть? – И она решительно повернулась к дочери, просверливая ее взглядом.

– Ну не Игорю же мстить за это!

– Он – в системе. Значит, такой же! А ты и уши развесила слушать его. Да будь эта история с дедом правдой, – тут голос Ирины Васильевны приобрел нотки совершенной непогрешимости, – неужели ты думаешь, что он пошел бы рабо-

тать в органы? Да никогда в жизни!

Такси остановилось у ворот санатория. Разговор оборвался.

Глава 23. Бегство

«Беспросветно-серое небо. Ну просто обреченность какая-то, – Соня горько ухмыльнулась вслух, – хотя... как нельзя более кстати». Удивившись тому, что стала разговаривать с собой наедине, она с тоской посмотрела на чемоданы. Под неусыпным маминым руководством сразу же после возвращения из санатория пришлось быстро подготовиться к отъезду в Хабаровск.

«Опять все сначала? Какая глупость! Надо быть идиоткой, чтобы в моем возрасте начинать жизнь заново. Нет, я не перенесу этого! Мама расчленит меня на атомы».

Соня тяжело вздохнула и с глубокой скорбью подумала о муже: «Игорь... как жаль!» Но тут же вспомнила о своих мучениях и решила, что лучше уж с мамой: «Работу найду, все-таки крупный город, тогда точно легче будет!»

Ее горестные размышления неожиданно прервал звонок.

– Соня, я так рад тебя слышать! Как ты? Как твои дела? – Андрей, как всегда, с ходу забросал вопросами.

– Нормально, – безжизненным голосом ответила она.

– А здоровье, как себя чувствуешь?

– Я же сказала: все в порядке. Что ты хотел?

Андрей секунду помолчал, видимо, осмысливая подчеркнутую холодность Сони, и предложил:

– Давай встретимся! Нам очень нужно поговорить.

– Мы завтра с мамой уезжаем к отцу, мне некогда.

– Пожалуйста, удели полчаса на встречу, всего полчаса!

Соня, так я заеду за тобой?

– Только не больше. У меня нет времени.

– Договорились.

Немноголюдное кафе встретило их тихим уютом, но Соня, казалось, не была настроена на диалог. Общение заметно тяготило ее.

– Да я все понимаю и не хочу приставать с вопросами, но... Ты хорошо подумала? Ведь это разрыв. Семьи больше не будет, – Андрей нервничал и обжигался чаем.

– Конечно! Я же взрослый человек.

– Бежишь от Игоря потому, что он сейчас в таком состоянии, да? Я помню наш разговор на даче.

– Тогда зачем спрашиваешь, раз и так все ясно? – Щеки Сони покрылись яркими красными пятнами. – Что ты от меня хочешь?

– Успокойся, пожалуйста! Тебе нельзя нервничать, это же отразится на ребенке.

– Что-о? Хм... Серьезно думаешь, что я стала бы рожать? Ну и ну! – голос ее нервно завибрировал, глаза заблестели.

– Соня! – Андрей смотрел на нее с каким-то наивным удивлением, – Соня!

– Я сделала аборт! – почти выкрикнула она. – Ты удовлетворен? Переходим к следующему вопросу. Слушаю!

Андрей напряженно уставился в чашку с чаем. Через несколько мгновений он, пристально взглянув на Сою, спросил:

– А как же Игорь? Ты теперь только маму слушаешь, а о нем совсем не думаешь?

Она молчала, как будто и не слышала вопроса.

– Игорь любит тебя. Поверь, это правда! Все еще наладится, он сильный. Ему просто надо помочь. Ты – единственный близкий человек. Не наноси ему такой удар!

Соня слушала совершенно отстраненно, словно друг мужа обращался не к ней, но продолжала сидеть за столиком.

Это дало Андрею призрачную надежду:

– Да, Игорь сейчас как ребенок, он не ориентируется в жизни, его надо буквально водить за руку. Но так будет не вечно. Он окрепнет! Ему необходима твоя поддержка! Понимаешь? Люди болеют, потом выздоравливают.

Соня резко прервала его:

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь? Или эта сказка специально для меня написана, для индивидуального употребления женой?

– Не надо так, Соня!

– Почему же? – она с каким-то злобным отчаянием подзвала официанта и заказала сто грамм водки. – Считаешь, что у инвалида на месте отрезанного может новый мозг вырасти, да? И ваши светила медицины тоже так считают?

– Соня, послушай! Я только сегодня был в госпитале. Они

уже говорят о положительной динамике, но нужно время. Ему проводят стимуляцию мозга. Это дает результаты. Завтра...

– Хватит уже! – Соня грубо оборвала Андрея. Залпом выпила принесенную официантом рюмку водки и, почти срываясь на крик, добавила: – Вот пусть те, кто занимается стимуляцией инвалида, и верят в него. Им за это зарплату платят.

– Игорь просто болеет. Ему уже лучше. – Андрей крепко взял ее за руку. – Он никакой не инвалид. Пойми ты!

Соня с силой выдернула руку и вскочила:

– Передай мировым светилам пожелания нобелевских успехов. А для проведения опытов им одного Сгорина хватит. Я не подхожу на роль тупой крольчихи.

Андрей встал следом за ней и, приблизившись, безнадежно спокойным голосом сказал:

– Хотя бы просто пожалей его! Ты ведь женщина и вы любили друг друга...

При этих словах Соня резко повернулась на каблуках и быстро вышла из кафе, не попрощавшись. Больше они не виделись.

Глава 24. Проникающее ранение

Время не заштопывает раны, оно просто закрывает их сверху марлевой повязкой.

Эрих Мария Ремарк

Сгорин сидел дома и изо всех сил старался не позволять литься слезам, пытаясь думать о чем-то хорошем, которое никак не приходило в голову. Все его существо разрывалось от боли. Он не мог поверить в уход жены. Было жуткое ощущение попадания под снаряд: одну часть оторвало, а другая осталась кровоточить и погибать.

Потеря единственной и любимой явилась для Игоря настоящим ударом, глубоким, едва ли не смертельным. Такое “проникающее ранение” усугубило и без того тяжелое состояние.

За время нахождения Сони в больнице он ни разу не навещил ее.

Внезапно разразившийся острый кризис собственной личности вынудил Игоря отдавать дни и ночи жестокой схватке за сознание, которая высасывала из него все силы и превращала буквально в рухлядь. Он не хотел представлять перед женой в настолько жалком виде, понимая, что этим лишь расстроит ее и вызовет раздражение.

К тому же, Ирина Васильевна предпринимала самоотверженные усилия для возведения непреодолимой преграды между ними. И на этом направлении ей удалось добиться успеха.

С тех пор Игорь и Соня уже не виделись. Она избегала встреч и не отвечала на звонки. Игорь еще ждал, что Соня захочет объясниться на прощание и надеялся увидеть ее в последний раз.

Ради того, чтобы выглядеть в этот момент как можно лучше, он просил ускорить лечение, настаивал на увеличении продолжительности процедур, совершал над собой героические усилия.

Но этого так и не произошло.

Потом по просьбе адвоката Сгорин подписал бумаги о разводе и попытался хоть что-то узнать о бывшей жене, но никакой информации так и не получил. Андрей сказал, что Соня с матерью уехали в Хабаровск к отцу, который жил там последние несколько лет, развивая рыбопромышленный бизнес.

Глава 25 . Мозг против сознания

Qui sibi semitam non sapiunt, alteri non monstrant viam
(лат.).—

Кто себе тропу не проложит, тот никому не укажет путь

По времени уже было пора прийти медсестре. И действительно, через минуту раздался предупредительный звонок и сразу же послышался звук открывающейся двери.

Игорь медленно повернул голову в сторону прихожей и попытался улыбнуться. Вышло страшновато.

Медсестра на миг замедлила шаг, но тут же спохватилась:
– Добрый вечер! Вы что же, так и сидите с утра в этой позе? Вы обедали? А лекарства принимали, Игорь Владимирович?

– Да, я все сделал, как надо, – ответил он с явным затруднением, непомерно растягивая слова.

– Тогда хорошо. Я сейчас приготовлю вам что-нибудь на ужин, а после еды будем ставить капельницу, – и она ушла на кухню, откуда вернулась через минуту. – Игорь Владимирович, вы же ничего не ели! Все так и стоит, как я оставила утром. Почему?

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами, в

которых поблескивала наивность молодости, и не понимала, что Сгорин просто стеснялся сказать ей, что не смог поесть самостоятельно.

– У меня нет аппетита, – почти пропел он.

В этот момент вдруг что-то прояснилось в голове у девушки, и она упорхнула на кухню. Через несколько минут, вернувшись с разогретой пищей, она уселась поближе к Игорю и начала кормить его с ложки, как маленького ребенка. При этом, чтобы сгладить неловкость, она старательно приговаривала:

– Вы ведь не сможете мне отказать, правда? Поймите, пожалуйста, я за вас отвечаю. Поэтому вы должны нормально питаться. Я сама буду кормить вас для надежности... Мы договорились теперь, Игорь Владимирович, да?

Ее голос, похожий на звонкий колокольчик, звучал чисто и беззаботно. Она проделала все необходимые процедуры и в общей сложности провела у него около четырех часов.

Перед уходом она вдруг замешкалась и, стараясь не смотреть Сгорину в глаза, чтобы не смущать его, предложила:

– Игорь Владимирович, давайте я вам помогу гигиенические процедуры сделать?

В ответ Сгорин с обреченным видом еле пошевелил губами:

– Не надо... я сам.

Игорь понимал, что операция ознаменовала собой начало

новой жизни, незнакомой и непредсказуемой, которая давалась невероятно тяжело. Стало ясно, что он был совершенно неготов к жестокой схватке со своим «я».

Картина собственного существования категорически отказывалась складываться в строгую последовательность, упорно делясь на «до» операции и «после». В сознании встал мощный барьер, блокирующий любые попытки осмыслить себя как единое целое. Возврат к полноценной жизни, даже если и был возможен, откладывался на неопределенное время.

Два сознания, – «до» и «после», неумолимо расходились по разным направлениям, превращая личность в мираж из пары призрачных теней. Упорный и кропотливый труд Игоря, стремящегося связать разорванные части единого существа, делали его дни и ночи сплошной изматывающей пыткой...

Благодаря чрезвычайному упрямству и непрерывной работе Сгорину все же удавалось продвигаться вперед, хотя процесс происходил мучительно медленно. К «уходам» и «провалам», набравшим силу и пытающимся намертво закрепитесь в его памяти, присоединились «откаты назад», которые стали для Игоря вестниками поражения.

Именно размывание, а порою уничтожение результатов его неистовой борьбы за самосознание, было наиболее опасным, так как заставляло сомневаться в победе.

Сгорин отдавал себе отчет в том, что начался самый труд-

ный поединок в его жизни, – битва, в которой не будет пленных.

Практически все, кто имел допуск к этой теме, старались ему помочь. Надолго без внимания он не оставался даже дома. Такое отношение давало крепкую поддержку; Игорь иногда шутил по этому поводу, что всем им круто повезло с подшефным.

В многочисленных кабинетах он вынужден был появляться с навязчивостью вечно больного. Всевозможные -граммы, срезы, снимки, капельницы, процедуры, анализы, исследования вносили в его жизнь определенное разнообразие.

За это время он научился терпеливо описывать свое состояние во всех нужных подробностях.

Положительная динамика, конечно, вдохновляла, но главная проблема оставалась нерешенной.

Преграда, не позволяющая Игорю осознать себя целостной личностью, была диагностирована как вторжение извне. Над мозгом офицера потрудились профессионалы, и агрессивное вмешательство в его функции не могло пройти без последствий: сознание продолжало оставаться заблокированным.

Усилия, прилагаемые Сгориным для превращения разрозненных эпизодов в собственную память, эксперты описывали как «выходящие за пределы доказанных человеческих возможностей».

Благодаря определенным успехам у Игоря случались и

светлые дни, когда амнезия и неадекватность отступали, и он буквально оживал и даже непостижимым образом молодедел.

Константин, «ученик Наталии Ивановны», как он с гордостью себя называл, возился с Игорем, как с ребенком. Во время долгих прогулок Костя увлеченно читал целые лекции, находил примеры, давал разные советы. Все это было интересно, а нередко и очень полезно.

Но Сгорин не рассчитывал на бескорыстие новых друзей, понимая, что является предметом научного анализа. И хотя он не особо возражал против такой роли, осознавая всю важность исследований, положение усугублялось нехваткой прорывов.

Именно дефицит серьезных успехов раздражал и подрывал веру в победу.

Глава 26. Темноты нет, есть недостаток света

Игорю часто стал сниться Алексей, вероятно, потому, что в столь сложных обстоятельствах он остро нуждался в вере человека, пожертвовавшего ради него жизнью.

Сгорин знал, что обязан победить хотя бы потому, что живет за себя и за Лёху. Гибель друга никогда не воспринималась им, как факт, к которому с годами можно привыкнуть. Боль притупилась, но ни на одно мгновение не оставляла его, напоминая о себе даже ночью, в тяжелых и мучительных снах.

... Алексей стоял на раскисшей от дождей и гусениц грунтовке, весь в грязи, но лицо было чистым и невероятно спокойным.

Сумерки с катастрофической скоростью превращались в непроглядную темень.

Игорь бежал к нему со всех ног, пытаясь докричаться, что надо уходить, и, не успевая добежать, замахал рукой в сторону:

– Беги! Уходи, Лёха!

Но тот и не думал:

– Я тебя не оставлю, одному отсюда не выбраться.

Кромешная мгла мгновенно обступила Сгорина и он заржал, срывая связки:

– Я ничего не вижу!

И вдруг услышал спокойный голос Алексея:

– Игорьь, открой глаза! Вокруг тебя целый мир и много света.

– Где? Меня окружает тьма!

– Самой темноты нет, ее не бывает. Это просто нехватка света. Черное солнце не может светить, и черные лампы не горят.

– Но как мне пробиться через этот проклятый мрак?

– Ты слишком любишь себя, оставшегося в прошлой жизни, здорового и сильного, и боишься принять изменившийся мир. Ты стал другим, Игорьь, и начал жалеть себя.

– Я? – Сгорин захрипел от неожиданности.

– Да. Опасаешься неудачи, а сам уже страдаешь от нее, потому что проиграл.

– Нет, я не думал...

– Игорьь, ты застрял в тревожном коридоре и не можешь двигаться вперед, потому что боишься промахнуться. Как собираешься складывать себя из пазлов и как поймешь, кто ты, если будешь стоять на месте?

– Лёха, я запутался.

– Вспомни, как нас учили презирать страх провала! Он не должен быть твоим хозяином. Тревожный коридор всегда узкий, – Алексей подал другу руку, – выходи!

Игорь попытался дотянуться, но тот неожиданно стал отдаляться...

– Лё-ёха! – Сгорин вскочил в постели с надрывным хрипом на устах. В голове нещадно стучали молотки и бешено колотилось сердце. – Я понял, Лёха, я все понял!

Глава 27. Живу ли я?

Глухое отчаяние после развода с Соней сменилось апатией, которая затем превратилась в озлобленность на самого себя:

«Не смог, не удержал, раскис, как тесто. Был обмякшей тряпкой!»

Сколько ни силился Игорь представить свою жизнь без нее, не получалось, даже несмотря на пролетающие друг за другом месяцы. Уход жены воспринимался с убийственной трагичностью, которая усугубляла и без того тяжелую обстановку.

Он так тосковал по Соне, что иногда с трудом получалось отделять сны от реальности. Радуюсь ее ночной улыбке, Игорь не сразу понимал, что происходит, когда просыпался.

Ее волосы лежали на его плече волшебным пухом, а утром все это исчезало. Но то, что никогда не покидало и не отпускало его, – был ее запах. Он дышал им, он им жил. Ему казалось, что все в мире пропитано им...

Игорь честно пытался прекратить навязчивое безумие, пока не понял, что у него нет сил.

Ему трудно было признаться в этом, но он заставил себя позвонить Илье и попросил организовать внеплановый прием у Медведкина.

Весь следующий день Сгорин провел в институте и в итоге, действительно, почувствовал себя спокойнее. А возможно, даже приблизился к тому, чтобы заняться анализом внутренних проблем, к чему он давно и горячо стремился.

Во всяком случае, в тот вечер Игорь впервые попытался критически оценить себя, о чем раньше, после операции, не мог и мечтать.

Последнее время в поисках ответов на мучительные вопросы он много читал и по рекомендациям Кости, и по собственному выбору, причем именно книги, а не девайсы, поскольку был уверен, что так лучше для мозга.

Игорь упорно погружался в смысл, анализировал, сравнивал... Книжные полки быстро прирастали монографиями по медицине, психологии, философскими трудами, работами по физике, механике.

Был поздний вечер. Сгорин лежал на диване и читал о психологии эмоций, придвинув настольную лампу. Встретив латинское выражение «*homo totiens moritur, quotiens amittit suos*» – человек умирает столько раз, сколько теряет своих близких, он остановился и уже не мог думать ни о ком, кроме Сони.

На него мгновенно навалилась лютая тоска, и невесть откуда взявшийся запах замогильной сырости заполонил комнату.

Игорь попытался быстро оборвать реакцию, пролетевшую по нервам: слишком опасной она была для него.

И вдруг подумал, что умереть может только живой. «А живу ли я, кто знает? Или это способ существования моих белковых тел? О ком думал старик Энгельс, когда свою *Диалектику природы* писал, не обо мне ли?» – горько ухмыльнулся он. Сарказм неожиданно оказался спасительным: тоска внезапно отошла, не успев растерзать жертву. Игорь вскочил, помня о том, что сменить положение в таком случае значит закрепить результат. Достал из холодильника ледяную воду и, залпом осушив стакан до окоченения внутри, с удивлением понял, что получилось.

Он впервые добился такого успеха. Ему стало ясно, что направление выбрано правильно. Глухая скорбь сменилась триумфом. И это была настоящая победа!

Глава 28. Два сознания – смертельный мираж

Это неважно, что медленно ты идёшь... главное – не останавливайся.

Конфуций

«Рабочий» день Сгорина уже подходил к концу. Процедура «на десерт», во время которой можно было расслабиться и отдохнуть, только что закончилась.

Игорь вышел из кабинета, слегка пошатываясь, с удовольствием потирая голову, освобожденную от проводов, и погрузился в глубокое кресло.

Пока он высиживал положенные двадцать минут в комнате, наполненной необычно легким голубым светом, расположившись рядом с аквариумом и миниатюрным садиком бонсай, к нему подошел Ивашов:

– Как самочувствие, Игорь?

– Порядок, спасибо!

– Евгений Николаевич просил подождать его. Он через полчаса заканчивает... Хотел поговорить с тобой.

– Да у меня вроде на сегодня всё: программа выполнена. Ещё что-то назначили?

– Нет, это не по лечению.

– Аа... ну, конечно. Здесь и подожду.

Евгений, как всегда, появился неожиданно, и его голос привычно и нагло проник сквозь дрему:

– Старик, это уже перебор. Вставай, фанат релакса!

...Посидев в кафе и наевшись настоящих осетинских пирогов, они отправились в парк, щедро раскрашенный осенней кистью, и гуляли там около двух часов.

Евгений рассказал о вчерашней конференции, в которой принимал участие хорошо знакомый ему профессор психологии, и теперь был одержим идеей организации его встречи с Игорем.

– Жень, ты слышишь, нет? У меня нет проблем, которые мог бы решить психолог. Зачем мне встречаться с каким-то спецом, который будет потом на этом диссертацию писать? – Игорь возбужденно жестикулировал в несвойственной ему манере, идя по длинной аллее на шаг впереди Евгения, не замечая сильного ветра, порывы которого старательно усиливали значение его слов.

– Тогда уж и ты меня услышь, пожалуйста! Я просто хочу тебе помочь. Всё! Нет никаких других целей. Этот «спец» согласился на встречу по моей личной просьбе. Мы давно знакомы. Он толковый дядька, поверь!

Игорь остановился и, глядя в глаза оппоненту, спросил: – Правду сказать можешь? Эксперимент ставишь? – И не без сарказма добавил: – Какое научное направление развиваем

на этот раз?

– Да ты что?! – Евгений явно не ожидал такого вопроса: – Перегибаешь, старик! Послушай, так ведь у тебя комплекс подопытного кролика закрепиться может, не боишься?

– Не боюсь? – ответил Игорь вопросом на вопрос. – А ты мне сначала скажи, в каком из моих сознаний этот комплекс может закрепиться. В первом, которое «до», или во втором, которое «после»? Каким местом мне про этот комплекс думать прикажете, господа исследователи?

– Не знаю, с кем из вас я сейчас разговариваю, с прошлым или настоящим, – Евгений постарался понизить градус разговора, заметно смягчив голос, – но ты же должен понимать, что ситуация твоя далеко не уникальна. «Тут помню, там не помню» происходит нередко даже по естественным причинам, а над тобой такие профи потрудились. Скорее, это они исследователи, а мы-то как раз спасатели. Может, и не самые крутые, но других нет. Как умеем, не обессудь. Стараемся по-честному. Понимаешь, у нас тут у всех чувство вины... Поэтому... – Он немного помолчал и добавил: – Моя бабушка всегда говорила: «Бог дал два уха и один язык». Ну почему бы тебе не пообщаться со спецадистом? Он, между прочим, не раз нам помогал. Ну? Хуже-то не будет!

Ветер немного поутих, как и тон разговора. Дальше оба продолжали идти молча, сосредоточенно глядя под ноги.

Роскошные кленовые листья, любовно расцвеченные осенью, шумно слетались в разноцветный хоровод, похожий на

яркий и загадочный магический ритуал. И весь этот шикарный ковер волшебным образом одевал ноги в лиственные валенки, задорно шурша и поскрипывая при этом.

Успокоившись, Сгорин сказал:

– Мне нужен крючок! Понимаешь, Жень? Крючок «для вязания», чтобы скреплять им разные фрагменты в единую картину. Мне надо работать над этим и жить. Я чувствую, что могу... могу, но не умею.

– Да я понимаю, старик. Ты уже вымотанный со всех сторон, изнутри и снаружи... Оба сознания потрудились, – ухмыльнулся Евгений. – Но если есть хоть малейший, один из миллиона, шанс, ты должен его использовать. Это тот самый случай, когда нельзя сказать себе «я устал» и плюнуть на все, как бы при этом ни выворачивало.

– Ты серьезно думаешь, что твой эксперт сможет чем-то помочь? Например, собрать меня из обрывков прошлого?

– Давай так: решишь это сам при встрече. Конечно, я не могу ничего гарантировать. Но мое глубокое убеждение в том, что когда появляется даже ничтожная возможность, ты обязан ее использовать, – при этих словах Игорь согласно качнул головой, и Евгений, доставая телефон, крепко хлопнул его по плечу.

Глава 29. Квазиустойчивость

– ВЫХОД ИЗ ПУСТОТЫ

Никогда не страдавший наивностью, майор Сгорин не ждал от знакомства с очередным спецом ничего нового. Согласился он на это мероприятие отчасти благодаря старой привычке доводить задание до конца, отчасти поддавшись на горячие убеждения Евгения.

Когда Игорь пришел на встречу в тихое и уютное кафе, Александр Федорович уже ждал его за небольшим круглым столом, накрытом скатертью, с чашкой чая в руках.

Игорь сразу оценил такой ход, выдававший желание профессора показать себя обычным человеком, ничем не выходящим над собеседником, точнее сказать, над пациентом. Внешности тот был классической, как и принято в профессорской среде старой школы: очки, короткая борода, строгий костюм-тройка.

Через пару часов неожиданно интересной беседы стало ясно, что профессору удалось расположить к себе Сгорина и даже вызвать его на откровенность.

Допивая очередную чашку чая, Александр Федорович сказал:

– Игорь, у вас прекрасный возраст, как раз то время, ко-

гда приобретаются опыт, а иногда и мудрость. Жирную точку ставить еще рано, поверьте мне, очень рано. Человек каждое мгновение оказывается перед дилеммой, не всегда осознавая это и зачастую действуя интуитивно. Мы все идем по краю пропасти. Неверный выбор следующего шага – и уже срываешься и летишь вниз.

– Да я все понимаю, – безрадостно сказал Игорь, – но не могу собрать себя из кусков, разбросанных во времени, и осознать, кто я. Все, что было дорого, исчезло, ушло. Не осталось ни любимой работы, ни любимой жены, ни любимого ребенка, который так и не родился. Потери, потери... Пустая темнота. Она как будто приклеилась ко мне намертво. Как только нащупываю прорыв, приближаюсь к нему, – всё. Сразу лечу в пропасть. Я уже неуверен, что выход существует и сто́ит ли его искать.

– «Не уверен» – вот в чем суть дела, корень мучительной проблемы, – твердо ответил Александр Федорович. – Надо спросить себя честно: хочу ли я ее решить после стольких неудачных попыток. Воля есть? Вопрос-то на самом деле только в этом.

– Конечно, хочу!

– Так что мешает? Можете что-то конкретно назвать?

– Попробую обрисовать. Когда я пытаюсь выйти из этой проклятой пустоты и вроде начинает получаться... то каждый раз появляется ощущение, что опять попадаю не на тот путь, и меня просто сносит, затягивает на скорости в пустую

воронку, как в пропасть. Всё. Конец. Точка опоры... не могу ее найти. Нужна твердая уверенность в моем прошлом. А без этого опять бессилие... барахтаешься в нем, как щенок, – со злой горячностью сказал Игорь.

– А как действуете потом? – Александр Федорович внимательно смотрел на него.

Сгорин криво ухмыльнулся:

– Начинаю все сначала. Пытаюсь как-то слепить свою память из разных пазлов, из детства, из работы... Но не хватает самого важного, главного, того, что должно стать скелетом, к которому в нужном порядке прикрепятся все мои воспоминания. Не знаю, понятно ли то, что я говорю.

– Да-да, прекрасно понимаю. Вы сильный человек, поэтому и ноша выпала редкая. Совершенно ясно, что приложены были такие усилия, на которые немногие способны. Может, по капучино? – неожиданно спросил профессор, желая, вероятно, изменить тему.

– А давайте! Говорят, сладкое успокаивает.

– Говорят... Что же у нас получается, Игорь? Можно рассуждать совсем просто, отталкиваясь от нынешней реальности. Если созидашь – идешь вперед. Остановился – проиграл, или хуже того, погиб.

– Я в этой системе координат давно живу. Это как ось абсцисс: ноль – начало или же ничего, в зависимости от намерений, минус – совсем плохо, и только плюс дает положительный результат. Уже приходилось над этим думать, – имея в

виду работу, сухо сказал Сгорин, – остановка, бездействие, ноль – это отложенный проигрыш. А минусовая зона уже означает труд на другой стороне, за чужие интересы; это гибель, если не физическая, то моральная как минимум. Так что главное – продвигаться в нужном направлении.

– Совершенно согласен, – Александр Федорович одобрительно покачал сединами.

– Но я все время останавливаюсь и сразу оказываюсь отброшенным далеко назад. И так постоянно, один и тот же маршрут. Наматываю круги, как белка... А где результат?

– Ну это совсем зря! – профессор недовольно задвигался в кресле, как будто хотел поудобнее устроиться. – Судя по тому, что Евгений рассказывал, ваши личные достижения просто потрясают. Поверьте, мне есть, с чем сравнивать!

– Да? – Игорь скептически взглянул на него. – А мне кажется, что я больше похож на того тонущего в молоке лягушонка, хотя срочно надо оттолкнуться от масла и вымахнуть из кувшина*.

– Выпрыгнешь, – профессор вдруг перешел на «ты», – я уверен. Не сдаешься и продвигаешься в правильном направлении, работаешь над собой, – значит, развиваешься. Таким образом лучшее, что в тебе есть, обязательно вырвется наружу. – Александр Федорович немного помолчал, задумавшись, и продолжал: – В критические моменты надо возвращаться к главному, то есть к основе. И уже оттуда опять идти вперед, к созиданию.

Это единственный путь. Для того и живет человек, чтобы познать себя и ответить на вопрос «Кто я?».

– Я так же думаю... Но в этот раз тяжело настолько, что иногда не могу осознать, что со мной происходит. Четкое ощущение, что извне упорно навязывается проигрыш, причем при любом алгоритме моих действий. Пока не знаю, как сломать эту схему. Остается лишь надеяться, что в конце концов молоко собьется в масло, и количество перейдет в качество, – отрешенно сказал Сгорин.

– Да-а. Немецкая классическая философия в лице Гегеля утверждает, что новое качество – это и есть результат накопления количественных изменений: достижение предела, так сказать... А как, по-твоему, что самое интересное в этой диалектике? – вдруг спросил его профессор.

Сгорин смог ответить лишь вопросительным взглядом.

– Самое поразительное здесь – явление квазиустойчивости. И я думаю, Игорь, что это именно твой случай!

В глазах у Сгорина вспыхнуло внимание, он непроизвольно выпрямился в кресле.

Александр Федорович методично продолжал:

– Именно в состоянии квазиустойчивости, несмотря на уже произошедшие изменения количественных характеристик, существует интервал, в пределах которого система еще остается устойчивой, а ее качество продолжает сохраняться. Но! Это уже последние мгновения и при переходе границ интервалов система совершает прыжок. Так ломается старое

и рождается новое. То есть, количественные изменения идут постепенно, под действием твоего упорства. А качественный перелом – результат скачка, который делает трансформацию уже необратимой, – профессор с видимым удовольствием допил капучино и победоносно водрузил чашку на стол.

При этих словах впервые за долгие месяцы Игорь внезапно ощутил что-то вроде удовлетворения... Так бывает, когда вопреки обстоятельствам каким-то чудом ухищряешься ухватить то самое нужное, что необходимо тебе, как воздух, чтобы продолжать жить.

Александр Федорович, взглянув на часы, сказал:

– Я рад нашему знакомству, Игорь. Говорю это искренне. У тебя все получится и количество перейдет-таки в качество. Никаких сомнений! – и при расставании добавил, улыбнувшись: – А второй лягушонок-то выпрыгнул из кувшина! Да!

Глава 30. Навязанная зависимость

Imperare sibi maximum imperium est (лат.) – Повелевать собою – величайшая власть

Сгорин вернулся домой, лег раньше обычного и крепко проспал всю ночь, что случалось редко. Утром он почувствовал себя хорошо отдохнувшим, без следов привычно-изматывающей усталости. Настроение было шикарным, в голове крутились воспоминания о вчерашнем разговоре с Александром Федоровичем. «Надо Женьке позвонить, успокоить его и сказать спасибо».

Неожиданно тишину нарушил телефон. «Ну Евгений Николаевич, ну неугомонный», – подумал Игорь.

Но звонил Денис:

– Слушай, старик, давай встретимся завтра. Сможешь утром, часов в семь?

– Да не вопрос, конечно.

– Отлично! Я как раз до работы успею. Кофе выпьем. Давай в кафешке у тебя на углу.

Утро выдалось сырым и прохладным. В только что открывшемся кафе было пусто, но уютно.

Денис с ходу произвел неизгладимое впечатление на молоденькую официантку, которая с трудом пыталась скрыть

вспыхнувший к нему интерес.

– Слушай, Игорь, я знаю, ты у Медведкина был... Помог? – Денис пытался не смотреть в сторону девушки, которая, не помня себя, назойливо окучивала их столик.

– В целом, да. Я не жалею, – и перехватив горящий взгляд, направленный на Дениса, сказал, – Дэн, с тобой просто опасно в кафе находиться! Не знаешь, в городе есть такое, где обслуживающий персонал из одних мужиков состоит?

– Да не волнуйся ты! Я потом дам ей номер телефона... Отточенная практика, – невозмутимо ответил Денис.

– Жениться-то не собираешься? – улыбнулся Игорь.

– На ком?! Таких пучком по пять копеек в базарный день на каждом углу, – Денис обреченно вздохнул. – А где она, та единственная, любящая и верная, которая не предаст и не сменит на более перспективного при первой же возможности?

При этих словах по лицу Сгорина прошла загробная тень, но Денис не заметил. Думая о чем-то своем и помешивая кофе, он увлеченно продолжал:

– Где найти такую, как моя Маринка, – сестра? Какой верной женой оказалась, просто героической! Валерка ее после защиты кандидатской на травку подсел: переутомился и все в этом духе. Незаметно сначала, изредка. Дальше – больше. Закончилось химией, уже внутривенно. Пытался бросить, несколько раз на лечение ложился. Мы много с ним общались вдвоем...

– А теперь-то как? – перебил Игорь.

– Хм... сейчас – это счастливейшая семья на свете, друг без друга дышать не могут. Чирикают так, что заслушаешься. Как молодожены в медовый месяц. – И отрешенно взглянув на безудержно вращающуюся вокруг них официантку, продолжал: – Валерий во многих местах был, куда только не обращался, чтобы завязать. Целую эпопею борьбы прошел, да и Марина его в клинику под конвоем водила, и на машине со связанными руками отвозила, и домой врача вызывала капельницу ставить, и в больницу устраивала. В общем, не один круг ада...

– Молодец Марина, что выдержала и не отказалась от него. Такие женщины нечасто встречаются, – отозвался Сгорин с тоской в голосе. Затем взял себя в руки и спросил: – Результат какой? Врага победили?

– Да что ты! Я вчера у них был, пять лет семейной жизни отмечали. Муж опять спортом заниматься стал, жена не радуется, похорошела, расцвела просто.

Денис взглянул на часы и попросил еще два кофе. Официантка при этом наградила его до того ослепительной улыбкой, что никто, кроме пациента патологоанатома, не смог бы остаться равнодушным.

Но тот продолжал как ни в чем не бывало:

– Валерка мне вчера интересный момент рассказал. Слушай, есть такой монастырь древний, аж четырнадцатого века, после победы в Куликовской битве построили. Но суть не

в этом... В общем, там какой-то батюшка необыкновенный, то ли священник, то ли монах – я не очень в этом разбираюсь...

Игорь оторопел и в изумлении взглянул на Дениса:

– Чудотворец, что ли? Ты в порядке, Дэн?

– Да выслушай сначала! Я же не об этом... Что́ я тебе, бабка малахольная, за чудотворцами гоняться? – Денис от возмущения нахмурился и быстро осушил чашку с кофе.

– Валерий туда несколько раз ездил, когда лечился. Жалее, что не попал к нему раньше, в начале своего рабства. Говорит, что батюшка этот так помог, как ни одному психологу не снилось. Просто поговорил с ним, а у того глаза открылись, понимаешь? Благодаря ему стало ясно, что проблема – в зависимости, навязанной внешним воздействием. Вне-е-ш-ним! – Денис при этом изобразил руками что-то непонятное. – Потому что человеческая личность изначально свободна! – Он выдохнул и уставился на Сгорина. – Ну, схватил? Поймал смысл?

Сгорин утвердительно покачал головой. Денис довольно хмыкнул и задорно спросил:

– Валерка теперь в выходной по утрам знаешь, что делает?

– С железом потеет?

– В церковь ходит, темнота! – и он вдруг весело улыбнулся официантке, что заставило ее полыхнуть пурпуром от неожиданного сюрприза. – Такого мне вчера порассказал кандидат химических наук... – раньше я бы и не поверил! –

Денис с удовлетворением посмотрел на часы, затем вопросительно – на Игоря.

– Ну... так координаты есть? – спросил Сгорин.

– На рабочем компьютере, – разулыбался тот, – я тебе скину сегодня.

Глава 31. Пройти личный маршрут

Я к храму шел боями славы

Сквозь Сталинград, сквозь огонь и дым, И я оружием добыл право

Пасть на колени перед ним.

А.И. Недогонов, Сталинская премия, 1948г. (посмертно)

Монастырский двор неторопливо, с размеренным благоговением погружался в глубокие осенние сумерки. Воздух становился все более сырым и пряным. Наполненный тревогами день неприметно обретал долгожданный покой.

Сгорин сидел рядом с храмом в ожидании отца Тихона и думал, как будет с ним общаться.

Сегодня домой из клиники его подвозил Андрей: специально приехал, чтобы увидеться. Конечно, он был прав, говоря: «Церковь всегда в чем-то помогает; никогда не уходишь отсюда пустым». Да, облегчение появляется, как было и сегодня во время долгой монастырской службы. Но как суметь извлечь то главное, что удержало бы, чтобы не свалиться опять в пропасть? Наверняка случаев, похожих на его собственный, немного, если вообще они есть. И как все это объяснить отцу Тихону, поймет ли он?

Игорь чувствовал себя неловко из-за того, что так и не

смог выстроить в голове план разговора. Да и каким он мог быть, если ничего другого, кроме главного вопроса «Как мне осознать себя?» Сгорина не интересовало.

Отец Тихон сразу поразил простотой и спокойствием. Общаться было совсем нетрудно, скорее, наоборот. Даже почувствовалось взаимопонимание, пробудившее в Игоре хрупкую надежду на выход из бездны.

Их беседа продолжалась не один час: когда наступающая ночь заставила вспомнить о времени, было уже холодно, и они прошли в монастырскую трапезную. Батюшка вскипятил чай с травами, и еще долго сидели они за длинным деревянным столом под тяжелыми многовековыми сводами.

– Фрагментация памяти... – священник говорил тихим и каким-то особо ненавязчивым голосом, отчего хотелось уловить каждое слово, – для тебя это тяжелый диагноз, а для кого-то – привычный образ жизни. Просто ты столкнулся с таким злом в лоб, напрямую. А многие люди приспособляются и не замечают беды, хотя и смертельно страдают от нее. Но они не хотят задумываться.

– Как можно не ценить пережитое, – грустно отозвался Игорь, – когда так важно знать прошлое, гораздо важнее, чем будущее! Иначе, как себя собрать? Если память – кусками, отрывками, – превращаешься в пазл. Ведь человек есть то, что он помнит. Я только сейчас всё это понял. Ничего нет страшнее, если не знаешь себя. Даже когда терпишь невыносимую боль – легче, потому что осознаешь, кто ты. Если не

можешь сам себя воспринимать как целое, невозможно жить как человек... наверное, ближе к растениям. Иногда я чувствую, что еще чуть-чуть, и мое сознание справится, восстановит полную картину. Но не получается, как будто в голове что-то внезапно ломается или кто-то срывает рычаг – с этими словами из его груди вырвался глухой отчаянный вздох, и отец Тихон, с тревогой взглянув на него, сказал:

– Когда невыносимо тяжело, не стоит надеяться только на себя, надо обращаться к Богу. Если трудно, кто поможет нести тяжелую ношу? Друг. Так же и здесь: мы не всесильны, хотя и можем очень многое. Надо это осознать и принять спокойно, без бунтарства, – батюшка встал, чтобы зажечь новую свечу взамен догорающей, и было в этом что-то сокровенное и родное, пришедшее из глубокого детства. Игорь вспомнил маму, улыбающуюся, радостную, зажигающую свечи на новогоднем столе, в полутемной и оттого волшебной комнате, наполненной праздничными отблесками...

– Ты идешь к вере, Игорь, но пока еще не научился жить в ней естественно, потому и страдаешь так, мучаясь от недостатка искреннего, настоящего. Душа терзается, не хватает свободы сознания, ты очень скован внутри... Постарайся увидеть себя издалека, со стороны, и разберись, чтобы понять, кто ты.

– Да я только и стремлюсь к этому, но ничего не получается.

– Все равно не останавливайся, имей терпение и веру, –

отец Тихон встал, чтобы подогреть чай, и посмотрел на Сгорина долгим взглядом. – Бывает, это оказывается самым трудным для человека.

– Я понимаю... Особенно насчет терпения.

– Да, непросто. Но надо продолжать идти к цели. Думаю, ты в этом и сам убежден...

Сгорин в подтверждение медленно покачал головой.

– Да ты и без меня прекрасно знаешь, что на одном месте недопустимо стоять долго, нужно двигаться. Полный покой противоестественен. Нам необходима возможность движения, чтобы чувствовать себя свободными. Человек меняется каждое мгновение: пришла новая мысль, совершил новый поступок, принял новое решение. Мы постоянно развиваемся, с каждой секундой: делаем новый шаг, внутренний или внешний.

– Верно, я это хорошо понял. Знаете, у меня как будто глаза стали другими: вижу то, о чем раньше не задумывался, наверное, нужды не возникало. Ясно, что нужно заново начинать путь, уже в другом, изменившемся состоянии, но не могу осознать, как это сделать. Дикая история... и тянется невыносимо долго. Постоянно ускользает что-то важное, и я опять оказываюсь в мутной вязкой пустоте, которая засасывает, как тряпина; понимаю, что в этот момент сам себя теряю, но не знаю, как противостоять, – Игорь был настолько вдохновлен искренним пониманием, что отступила даже вечно гнетущая усталость.

– Ты на своем трудном опыте пришел к тому, о чем говорили многие святые. Они предупреждали, что пустота – всего лишь то, что не заполнено Богом. Так происходит потому, что человек никого не хочет пускать туда, где он привык рассчитывать только на себя, особенно пока молодой и сильный. В это время ему и рай не нужен. Когда же случается беда, тогда эта пустота молниеносно завоевывает его сознание, – монах говорил удивительно ровным голосом, будто совсем без эмоций, но слова его беспрепятственно проникали в душу, вливаясь в нее, как вода на иссохшую от зноя землю.

Игорь думал о том, что готов много часов кряду вот так сидеть, напротив отца Тихона, и слушать бесконечно...

– Заплутавший или потерявший себя думает, что свободен, но это не так. Над человеком уже властвует пустота. Он подчинен внешнему воздействию и не может проанализировать свое состояние, что очень опасно. Такие люди не имеют в себе жизни. С пустотой внутри и снаружи они становятся полумертвыми и начинают упорно и даже агрессивно заманивать других в эту черную дыру. Им это кажется свободой...

– Она и управляет мной... проклятая пустота! Я стараюсь бороться, но иногда просто не знаю, как, – Сгорин был рад тому, что, наконец, смог ясно осознать проблему.

– Игорь, ведь случайно ничего не происходит, – сказал отец Тихон, разливая по бокалам вновь подогретый чай. – Мир, природа, живые существа живут по определенным за-

конам, которые не человеком принимаются и выполняются независимо от него. Это то, что над нами...

– То есть, моя ситуация неслучайна? Вы это имели в виду?

Батюшка ответил очень спокойно:

– Неподъемного бремени Господь не возлагает. Значит, ты способен выиграть даже в таком трудном бою. И победа эта потребуется для следующего шага...

– Но я не могу найти дорогу, маршрут, которым надо идти!

– Игорь, ты своими трудами уже прокладываешь этот путь, – отец Тихон смотрел на него с теплой улыбкой, как на ребенка.

У Сгорина в голове пронеслось, что такой добрый и проникающий в тебя взгляд – уже есть поддержка и лечение.

Между тем священник допил чай и зажег новую свечу:

– Человек имеет обязательство созидать свою душу, жизнь, семью, Родину, добрые дела... Это очень трудно. Но если поступать по совести, то и путь найти легче.

– Точно так же и мой дед говорил. Он изучением мозга занимался, – ответил Игорь.

– Значит, понимал, что таков закон жизни. А если идешь против закона, непременно будет беда, – монах говорил терпеливо, как любящий отец. – Ты сильный человек. Думаю, и на подвиг способен.

– Что значит «подвиг»? Задача есть – надо выполнять. А подвиг или нет... при чем здесь это? – Игорь равнодушно

пожал плечами.

Отец Тихон одобрительно хмыкнул, глядя на Сгорина:

– К нам в монастырь два года назад пришел один кадровый военный, когда его комиссовали после госпиталя. Он часто болел из-за последствий ранений, но в город не хотел возвращаться, а сюда к нам не каждая скорая доедет, особенно в распутицу. Мы уговаривали его вернуться, в монастыре никакой медицины нет. А он заладил: если умирать, то здесь.

Монах встал, перекрестился перед иконой, губы его что-то неслышно зашептали.

Он простоял так несколько минут, освещаемый тихим светом лампы, потом продолжил:

– Хочу рассказать тебе о нем... Герой во всех смыслах: и по духу, и по наградам. Кубанский казак. Подорвался на противопехотной мине в Чечне, чудом остался жив, одну ступню оторвало. А через полгода уже на протезе вернулся в разведку. Георгиевский кавалер. Четыре войны прошел: Афганистан, Сербия, Чечня, пятидневная 2008-го. После тяжелой контузии не долечился как положено: воевать торопился. А к нам приехал уже после многочисленных операций, болел подолгу. Трижды отвозили его в город, в госпиталь. Подлечивали, врачи хорошие были. Но последний раз спасти не смогли, – батюшка замолчал.

Игорь вспомнил об Алексее, погибшем в Анголе, и не заметил, как невольно пригнулся к столу под тяжестью воспоминаний.

Вдруг послышалось тихое монашеское пение, будто долетевшее из другого измерения. Ночь оказалась наполненной сокровенной жизнью, прикоснуться к которой днем было невозможно...

И Сгорин вдруг подумал, что чувствует себя здесь неожиданно легко.

Отец Тихон негромко продолжал:

– Знаешь, что его отличало от многих? Все в нем было настоящее, никакой фальши. Среди нашей братии есть один офицер после Чечни, который спрашивал его, за что приходилось воевать в других странах. А он отвечал просто: «За правду». Владимиром его звали...

Священник замолчал, и, казалось, утратил всякое желание к дальнейшему общению. Но через несколько мгновений, будто стряхнув тяжесть воспоминаний, продолжил:

– Однажды у нас интересный разговор состоялся. Он рассказал, как тяжело было после контузии, порою даже отчаяние появлялось: трудно смиряться с немощью. Долго не мог победить в себе обиду на жизнь, особенно когда видел сильных и здоровых молодых бойцов, и в какой-то момент почувствовал, что становится злым... У них в госпитале хирургом его друг служил, опытный врач, многих от смерти спас. Так у него сын погиб дома, на родине: бросился к старушке на железнодорожных путях перед поездом, оттолкнул ее, а сам не успел... И тогда Владимир сказал мне: «Это был момент истины. Я понял, что нет ничего случайного, а есть путь –

единственный, твой. Пройти его можешь только ты, и это – личный долг».

Монах внимательно посмотрел на Сгорина, который выглядел удивительно спокойным.

Игорь поднялся из-за стола. Лицо его в отблесках лампы казалось молодым и вдохновенным. И негромко сказал:

– Я понял. Пусть с лишними поворотами и долгими остановками, но, главное, – идти, ползти, двигаться. И не отвечать на внешние воздействия... Пройти личный маршрут до конца... Выполнить долг.

Он подошел к иконе, висящей на стене, и, испытывая неловкость за незнание, спросил:

– А что это за икона?

– Сошествие во ад. Спаситель после Крестной смерти спускается в ад и выводит оттуда за руку Адама и Еву. Если тебе нужен Бог – тяни руку, тогда Христос тебя выведет... даже из ада.

Глава 32. Что значит жить?

Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками. Блез Паскаль

– Откуда я знаю, где он? Мама, ну что ты от меня хочешь? Поздно, да, но я за ним не слежу! Да отключен у него телефон, от-клю-чен! – включив громкую связь, Соня слегка дрожащей от возбуждения рукой налила из аптечного флакона какую-то тягучую жидкость. – При чем здесь я? Это вы с отцом вашему любимому зятю расскажите про медовый месяц... Ну все, хватит! – и она в сердцах отшвырнула телефон на диван.

Муж пришел домой под утро, когда Соня, устав от ночных терзаний и наглотавшись успокоительного, забылась тяжелым сном.

Проснулась она поздно, после одиннадцати. В окна ярко светило солнце, пришедшее на смену ночному дождю. На столике ее ждала записка от мужа, который уже был на работе: «Вечером в 6 – в нашем ресторане. Насчет твоего трудоустройства. Не опаздывай!» И всё. Ни слова сожаления, ни извинений, ни объяснений...

Соню охватила жгучая обида, в голове запульсировал огонь:

– Да кто он такой, чтобы ко мне так относиться? – обращенный в пустоту голос сорвался на визг.

Она набрала его номер и прокричала: – Ты хам! Я от тебя ухожу!

Потом подошла к зеркалу, ужаснулась мешкам под глазами, выпила еще успокоительного и записалась на три часа к косметологу. «Я приду в шесть, но только для того, чтобы плюнуть ему в лицо. Хамло! Да кому он нужен?.. На восемь лет старше меня! Застрял ушибными мозгами в буйной молодости и никак не может оттуда вылезти, старый уродливый подросток!»

Соня долго принимала душ, делая контраст холодной и горячей воды, растиралась жесткой рукавицей и всеми силами пыталась взбодриться. Потом она заставила себя позавтракать, заварила любимую мяту и, не найдя меда, вышла в магазин.

Около дома она столкнулась с незнакомым мужчиной неопрятного вида, который явно искал с ней встречи. Не понимая, что происходит, Соня остановилась:

– В чем дело?

– Вы из тридцать седьмой квартиры?

– Да.

– Вы, значит, Соня?

– Ну да, я. Что такое?

Незнакомец протянул ей большой конверт. Соня обнаружила в нем фотографии мужа с неизвестной молодой жен-

щиной, где были запечатлены моменты их совместного отдыха на каких-то островах.

«Неужели правда? Но ведь это могло быть до меня».

– А зачем мне... – Соня расширенными глазами уставилась на него: – Вы кто?

– Никто. Ни при чем я тут, – ответил странный человек, доставая из обтрепанного кармана еще один конверт. И вручив его Соне, торопливо исчез.

Во втором конверте было всего одно фото, на котором та самая молодая женщина улыбалась и радостно демонстрировала признаки своей беременности, тянувшей не менее, чем на середину срока.

За фотографией лежала копия, сделанная с медкарточки, на которой фамилия пациентки была старательно зачерчена, а дата обследования, напротив, ярко выделялась: «Через десять дней после нашей свадьбы! Вот тебе, мама, и медовый месяц!»

Соня внезапно обмякла и присела на скамейку во дворе. «Медовый месяц... медовый месяц»... Эти слова били в голове тяжелой кувалдой, загоняя все ее женское существо под землю, куда жутко хотелось спрятаться от нестерпимой боли.

Через несколько мгновений к ней вернулась способность думать: «Но зачем? Он же мог жениться на ней, а не на мне!»

Соня встала, покачнувшись и пытаясь сообразить, что делать: сначала направилась на улицу, но затем повернулась и пошла к подъезду.

Дома она долго сидела на диване в одной позе, будто окаменевшая, не замечая ни времени, ни разрывающегося от маминых звонков телефона. Потом ни с того, ни с сего вспомнила про мяту и пошла на кухню.

И тут ее осенило: «Отец! Так это из-за отца!» От этой мысли ее обсыпало жаром, сердце бешено заколотилось. «Он же продал этому уроду... фиктивная продажа, на бумаге... ведь одна семья...»

Дрожащими руками и плохо понимая, что делает, Соня неожиданно для себя набрала номер мужа:

– Скажи, зачем ты женился на мне?

– Дорогая моя, я всегда достигаю своих целей. Что здесь неясного?

– Боишься сказать правду, трус?

– Да нет. Теперь уже нет смысла молчать. Я получил то, что мне было необходимо. А ты – обычное средство или ступенька, назови это как угодно... Конечно, очень сожалею, что так произошло. Я был не в курсе, что Инна послала тебе фото. Но она беременная. Ты ведь не знаешь, как это отражается на женском организме, а у нее сейчас обостренная впечатлительность и повышенная раздражительность.

– Почему же не предлагаешь мне развод?

– Да просто не успел еще, некогда было, дел невпроворот.

– Значит, на молоденьких потянуло, ублюдох?

– Не ори, дура! У нас с Инной будут дети, и расти они должны в достатке и спокойствии... Ты меня поражаешь!

Неужели ты думала, что меня интересует самовлюбленная истеричка, лишившая себя детей?

У Сони перехватило дыхание, и она с размаху кинула телефон в стену:

– Урод! Сволочь! Я тебя проклинаяю, мразь! Проклинаю!

Она вспомнила про алкогольную витрину, открыла первую попавшуюся под руки бутылку с сухим джином, налила стакан и залпом выпила половину.

Дышать стало легче и она подумала: «Игорь бы никогда... За всю жизнь ни одного дурного слова. Всё в себе... Настоящий мужик!»

Соня включила любимого Моцарта и допила стакан до конца. «Игорь... Что с ним теперь? Я же банально предала его. Прости... прости меня, если сможешь!»

Она долго слушала музыку, обливаясь слезами и вспоминая сон, который видела перед отъездом Игоря:

– Монашка... Она сказала мне: «Молись»! Вót как надо было жить: терпеть и молиться! И не бросать Игоря.

И вдруг сама ответила вслух:

– Жить? То есть я должна была молиться и терпеть нечеловеческий ужас? Нет, это значит не «жить», это значит «умирать»!

На что сразу же возразила себе: – А теперь? Разве так лучше?

С невероятным спокойствием она достала свои успокаивающие таблетки, высыпала на стол целую горсть, потом по-

думала, добавила еще и запила джином.

«А с Игорем я могла бы жить!» – это стало ее последней мыслью.

Вскоре, не дождавшись ответа дочери на многочисленные звонки, приехала взволнованная Ирина Васильевна.

Она вызвала скорую, которая смогла лишь зафиксировать смерть; потом позвонила мужу; во время разговора ей стало плохо. Та же скорая отвезла ее в больницу, где врачи успели спасти пожилую женщину после перенесенного обширного инфаркта.

Игорь так никогда и не узнал о трагедии. Он продолжал любить Соню и отчаянно тосковал по ней.

Глава 33. Он стал бы самым дорогим

На следующее утро около восьми часов Сгорин уже был в клинике в ожидании очередных осмотра и лечения. Обычно в такие дни он возвращался домой совсем поздно, хотя нередко случалось, что приходилось оставаться под наблюдением всю ночь. Так было и на этот раз.

Игорь спал уже несколько часов. В проколотой на руке вене была закреплена игла, через которую очень медленно, капля за каплей, в кровь поступала прозрачная жидкость.

То ли во сне, то ли наяву он увидел красивую старинную церковь, с толстыми кирпичными сводами, на высокой колокольне которой под неистовыми порывами ледяного ветра бил в колокол звонарь. Молодой и худощавый, на огромной высоте он казался летящим духом, а не плотью.

Пронизывающий до последней клетки ветер мгновенно вступал в оркестр с протяжным колокольным звоном, тревожно взывающим к промерзлой земле и омертвевшим душам. Звон разносился так далеко, что уходил в поля, покрытые рыхлым мартовским снегом, потом распространялся все дальше, поднимался ввысь и, перемешавшись с облаками, замирал, обретая среди них вечное пристанище.

По дорожке к храму торопливо шла женщина, вид у нее был обеспокоенный и уставший. Она остановилась перед входом, поклонилась и стала подниматься по лестнице, как вдруг сильно потемнело, будто день сменился ночью...

В большой церкви, торжественно наполненной ароматом ладана, молодая женщина несмело направилась к церковной лавке, старательно пристраивая к голове платок. Там она купила три свечи и, поставив их к разным иконам, молилась долго и вдохновенно, роняя на платок слезы. Губы ее что-то беззвучно шептали; время от времени она тяжело вздыхала, задумываясь на миг, потом снова молилась...

Неожиданно среди тишины раздался звук от неловко хлопнувшей деревянной дверцы: женщина, работавшая в церковной лавке, погасила лампу и собралась уходить. Служба закончилась.

Тогда стоявшая перед иконой перекрестилась и с неутешной горечью едва слышно выдохнула: «Прости меня, Господи!» Поклонилась и поспешно вышла из храма.

На улице было темно и промозгло, сыпал редкий дождь, которому аккомпанировал ледяной ветер. Молодая женщина, укутавшись в толстый вязаный шарф и слегка ссутулившись, нехотя пошла навстречу набирающим силу шквалистым порывам.

Вдруг Игорь увидел большой деревянный дом из счастливого и безмятежного детства, когда были живы родители отца, у которых он проводил все каникулы. Бабушка, этот

светлый человек, покрывала любимого внука безграничной добротой, как крыльями, превращая каждый день отдыха в праздник.

В горнице на комодe, на вышитой мамиными руками салфетке, стояла старинная шкатулка, в которой дед хранил боевые награды. На стене – портреты молодых и ослепительно красивых дедушки и бабушки.

... Вот мама в одиночестве сидит за столом, очень расстроенная, и пишет аккуратным и красивым почерком:

«Не знаю, когда ты прочитаешь это письмо, но хочу все объяснить. Пожалуйста, не думай, что я разлюбила тебя или на кого-то променяла. Это полная чушь! Просто что-то очень важное ушло из меня вместе с той невинной душой, которую я убила. И не надо твердить, что так делают все. Я говорю тебе о своей жизни. Не знаю, как могла согласиться на это безумие, в котором теперь раскаиваюсь безмерно и так глубоко, как ни о чем никогда ни жалела. Наш неродившийся сын приходит ко мне во сне. Его зовут Олег и он любит меня! Меня – убийцу родного человечка, который мог стать самым дорогим в моей жизни. Это невыносимо тяжело. Я не хочу просыпаться после таких снов, не хочу, чтобы начинался новый день. Самое страшное в том, что невозможно ничего исправить. У меня нет на тебя зла, но жить, как раньше, я не могу. Я уезжаю домой. Надеюсь, что когда-нибудь отмоюсь слезами от этого ужаса, и тогда у меня родится сын. Во всяком случае, буду жить надеждой. Прощай!»

Оставив письмо на столе, она набросила толстую вязаную кофту и взглянула на себя в зеркало. В отражении Игорь узнал ту молодую женщину, которая была в храме...

– Мама! – закричал он изо всех сил, но вырвался только глухой хрип. – Не уходи!

Она вдруг остановилась, будто услышала его. Улыбнулась, как всегда, мягко и нежно... И ушла.

Глава 34. Полнота жизни

На следующий день к Сгорину приехал Андрей. Они долго сидели за холостяцким столом, безалкогольным, но с жареной картошкой и черным хлебом, и говорили о прошлом.

– Ну скажи откровенно, – спросил Андрей, – разве несколько месяцев назад ты мог бы подумать, что такое будет возможно?

– Нет, Андрюх, точно нет. Об этом я только мечтал.

– Надеялся.. А сам ни разговаривать нормально, ни вспоминать не мог. Значит, правильно работаешь!

– Да не только же я один. Мне много народу помогает.

– Я вчера с Женькой разговаривал в клинике. Он считает, что твои достижения – это прорыв.

– Знаешь, Андрюх, у меня теперь такая надежда есть!

– Неужели раньше не было? Я не поверю.

– Была, конечно, только ей и жил. Но теперь – другое. Появилась вера. Она меня держит просто... как страховка, которая не даст погибнуть, если сорвешься.

– Понимаю.

Они просидели так до ночи и, собираясь уходить, Андрей сказал:

– Не хотел расстраивать, но ты, вроде, окреп уже... У Бориса Федоровича сын умер.

– Вовка?

– Да.

– Его же на преподавательскую в академию списали?

– Да он там и поработать толком не успел: последствия контузии. На лечение сроду времени не хватало. Жить तो-ропился... Сорок три года. Вот... Завтра прощание в академии.

– Я поеду!

– Тише, тише! Не руби сгоряча-то! Звони Женьке или кому там еще. Тебе же запрещено самостоятельно...

– Да они не дадут. Это точно.

– Раз так, тогда без вариантов. Давай, не кисни! – Андрей похлопал друга по плечу. – Мы потом с тобой к ДФ съездим. Он будет рад тебя увидеть... Терпение и выдержка, майор Сгорин!

Андрей уехал, а Игорь долго еще думал о Володе, который в двадцать два стал героем России. Короткая и яркая жизнь...

Вдруг вспомнились слова какого-то немецкого писателя из стенгазеты в учебке: «Бояться надо не смерти, а пустой жизни».*

Сгорин провел сложную ночь. Воспоминания о погибшем Алексее и мысли об умершем сыне Бориса Федоровича лишали его покоя. В голове почему-то тошнотворно крутилось словосочетание «естественная убыль населения». Игорь подумал: «А ведь ничего нового. Один жертвует собой, выпол-

няя долг, а другой, вечно недовольный, обвиняет всех и вся вокруг, даже не задумываясь о том, что за право на это гнусное брюзжание молодые и сильные отдают жизни».

Сон был прерывистым и тревожным. Яркие и невероятно реальные картины будоражили сознание и лишали покоя...

Сгорин открыл глаза. Волосы были мокрыми, подушка тоже. Он подошел к окну, через которое едва пробивался равнодушно-холодный лунный свет, и, распахнув его, удивился контрасту между ночным дурманом и темной свежестью, влетевшей в комнату. Игоря это отрезвило. «Все-таки прав был Женька. Помощь психиатра – прямо по адресу. Навязчивые состояния – так у них это называется?»

Он постоял на балконе, наслаждаясь тишиной и покоем, заодно похвалив себя за то, что все-таки бросил курить, и спросил вслух: «Ну что, товарищ майор, может, чаю?»

Строгая обстановка одиноко-мужской кухни не слишком способствовала релаксу. Тяжелые мысли не отпускали. Сгорин понял, что не может переключаться так быстро, как раньше. Но сам факт того, что он смог это осознать, непривычно удивил.

Не заметив как, Игорь обжегся кипятком. Рука зарделась огнем. Вдруг он почему-то вспомнил про деда: «Мама говорила, что уже после его расстрела нашла на чердаке в куче газет несколько листов, которые чудом уцелели среди старого хлама. На одном из них рукой деда было написано... Сейчас вспомню... Сейчас! Ведь я же помнил! Что?»

Но воскресить в памяти утраченное не помогли ни одна, ни другая чашки чая. «Невозможно вот так взять и забыть! Я должен, значит, могу вспомнить. Когда мама говорила про эти тетрадные листки, на ней была ее любимая толстая вязаная кофта. Значит, стояла зима? Она заваривала чай из малины. Что она сказала тогда, на кухне?»

В таких терзаниях прошла ночь. Сгорин прикладывал невероятные усилия, чтобы успокоиться и вспомнить. Разозлившись на себя, он в очередной раз начинал все сначала, пытаясь продвигаться хотя бы микроскопическими шагами. В конце концов, окончательно измотавшись, он уснул, когда уже начало светать. И то ли в бреду, то ли воочию вдруг увидел тот самый тетрадный лист в линейку с аккуратным подчерком деда, где было написано о счастье...

Мама сидела на кухне в толстой вязаной кофте с чашкой малинового чая в руках и, улыбаясь, говорила ему: – Ты молодец, Олег, я никогда не рассказывала про свою находку на чердаке. Это твой успех! – И вдруг погрузнев, она добавила с тревогой: – Только будь осторожен!

Весь в поту и со слипшимися от жажды губами, Игорь неожиданно проснулся, будто от резкого и сильного толчка: «Что это было?»

Он встал и почти бегом рванул в душ. Потом, хорошо взбодрившись после холодной воды, стал нарочито спокойно варить кофе. И, решив сам про себя, что уже вполне адекватен, взял бумагу и записал все слова деда, которых было

немало, точь-в-точь так, как увидел их во сне:

«Когда тебе внушают, что ты должен быть счастлив, знай, что это грандиозный обман, который приведет к острому конфликту между ожиданием и реальностью, и в итоге, делает тебя глубоко несчастным и даже неполноценным. Человеческая личность должна стремиться не к счастью и комфорту, а к самопознанию и работе над собой. Только тогда сможет открыться лучшее в самом человеке. И это даст полноту жизни и принесет счастье».

Глава 35. Проверка на подлинность

В кабинете у Наталии Ивановны шло обсуждение состояния Сгорина в связи с последним случаем. Она, как всегда, говорила четко и убежденно:

– Нет, Костя, не могу здесь согласиться с вами. Считаю, что именно вследствие сильного и неожиданного воздействия, которым был пролитый на руку кипятком, мозг Игоря среагировал нестандартно.

– Я бы пока не стал считать его определяющим моментом, – заявил Алексей Васильевич, – могло произойти стечение обстоятельств, ведь мы знаем, что Сгорин был сильно расстроен... После этого – не значит вследствие этого, – сказал он и, вероятно, для убедительности, добавил на латыни, – *post hoc, non est propter hoc*.

– А как проверить слова Игоря, точнее, его деда? – с азартом спросил Константин и сам же ответил, почему-то обращаясь при этом к своему учителю:

– Это невозможно! Никто уже никогда не найдет того листка на чердаке, которого нет!

– Вы здесь абсолютно правы, Костя, – взволнованно сказала Наталия Ивановна, – нужна проверка. Но момент важный... и настолько серьезный, что потребуются эксперименты, – она сдавленно вздохнула, – чего я очень опасюсь. Как

быть, чтобы не нанести вред Игорю? Что скажете, Алексей Васильевич?

– Согласен во всем. Боюсь, избежать новых исследований не удастся. – При этих словах он вдруг резко поднялся и с каким-то отчаянием воскликнул: – Никогда еще до Сгорина не возникало таких сложных дилемм! Воистину этот человек всем нам устроил проверку на подлинность! Из-за этого момента истины уже невозможно будет работать, как прежде. – Потом сел и тихо произнес, будто внезапно сдувшись: – Такая ответственность...

Константин ошарашенно уставился на профессора, только что продемонстрировавшего незаурядный эмоциональный порыв, и подумал о невосполнимой потере театра в его лице.

Эти мысли прервала Наталия Ивановна, заявившая неожиданно жестким голосом:

– Я буду категорически возражать в отношении опытов.

– Присоединяюсь, – отреагировал Алексей Васильевич.

Вдруг из-за монитора, замаскированного внушительными стопками папок, показался Евгений, все это время хранивший молчание, будучи погруженным в графики и снимки, и спросил, обращаясь к профессорам:

– Считаете реальным отстоять Сгорина? Давление наверняка будет сверхвысоким.

– Посмотрим, – тихо, но твердо ответил Алексей Васильевич.

Глава 36. Я могу, значит, я должен

Двумя днями позже, когда очередная процедура подходила к концу, Евгений, подойдя к медицинскому креслу, в котором полулежал Сгорин, опутанный паутиной проводов, сообщил ему, отключая приборы:

– Не знаю, старик, поздравлять тебя или сочувствовать... Соболезнование, наверное, будет более кстати, – горько ухмыльнулся он, – но комиссия решила откликнуться на твое предложение и продолжить исследования.

– Да ладно тебе причитать раньше срока! Поживем, увидим... Разве так доктор должен разговаривать с больным на голову?

– Слушай, Игорь, серьезно: при любом исходе я с тобой. Один не останешься – честное пионерское!

– Спасибо! – и «больной на голову» крепко хлопнул доктора по плечу.

Игорь отправился домой, а Евгений заторопился на совещание к Алексею Васильевичу. Предстояло выработать алгоритм исследований, хотя еще вчера мало кто думал, что они будут проводиться.

Геннадий Николаевич оставил трудное решение за комиссией Юрия Максимовича, а та – лично за майором Сгориным, не слишком рассчитывая на его согласие. И хотя на дан-

ный момент состояние Игоря описывалось как удовлетворительное, несмотря на продолжающиеся случаться все реже «уходы» и «провалы», гарантий на будущее не было. Поэтому никакого давления не оказывалось принципиально. Скорее наоборот.

Игоря подробно проинформировали о возможных и вероятных последствиях по той причине, что никто не мог ни предположить, ни тем более четко описать отдаленные результаты. Все соглашались, что подобные исследования нужны, как воздух. Но случай майора Сгорина был исключительным, дело шло ни много ни мало о личности человека.

На принятие решения Игорь потратил полчаса. Через тридцать минут он подписал документы, по объему напоминавшие собрание сочинений Достоевского.

Вечером к Сгорину примчался Андрей и с порога закидал его вопросами:

– Прессовали?

– Андрюх, успокойся! Как на меня можно давить? Что у меня есть-то? Полголовы и еще полголовы. На это сильно не надавишь.

– Ну ты понимаешь всю...

– Я тебе говорю: успокойся! Все обдуманно и по доброй воле. Неслучайно же я оказался в нужном месте в нужное время. Эти результаты нельзя получить по-другому. Послужим Родине напоследок!

– Я могу, значит, я должен?! – Андрей посмотрел в глаза

Игорю и не увидел никакого страха.

– Ты сделал бы то же самое. И не надо мне сочинять сказки!

– Откровенно говоря, не думал, что они решение на тебя спихнут. Респект конторе! – Андрей довольный бухнулся в кресло. – Немного свербило, вдруг на медиков твоих давить будут...

Друзья расстались совсем затемно, договорившись завтра навестить ДФ.

На следующее утро они вдвоем поехали к Борису Федоровичу и провели у него весь день. Много вспоминали, смотрели фотографии сына, даже пели военные песни.

На прощание ДФ сказал, протягивая руку:

– Игорь, ты настоящий! На таких земля наша стоит. Держись, сынок!

Сгорин быстро справился с комком, внезапно подкатившим к горлу, и обнял Бориса Федоровича. Эти слова стали для него благословением.

Глава 37. Треугольник жизни

Doctrina multiplex, veritas una (лат.).– Учений много, истина одна

Прошло около двух месяцев. Эксперименты были закончены с результатами, которых никто не ожидал: исследования никак не повлияли на состояние Сгорина.

Майор продолжал идти все тем же тернистым маршрутом, на который вступил, вернувшись на родину. Ухабистая дорога могла завести в бездну, а могла и вывести к солнцу.

Стремясь осознать себя полноценной личностью, Игорь боролся неистово, днем и ночью, наяву и во сне, пытаясь вернуть сознанию целостность, не позволяя операции дробить его на прошлое «до» и настоящее «после». К тому же он постоянно терзался мучительным беспокойством, которое осложняло борьбу, играя на стороне противника.

Игорь заглушал эту навязчивую тревогу запойным чтением, общением с друзьями, долгими многочасовыми прогулками по парку. Он полюбил вечерние службы в маленькой деревянной церкви неподалеку, после которых «душа вставала на место», а смута в сознании на некоторое время полностью исчезала.

Сгорин становился другим, и это понимали все, кто окру-

жал и помогал ему.

В тот день Игорь вернулся затемно: погода выдалась теплая, и он долго гулял, пока сумерки и сырость парковых тропинок не прогнали его к домашнему очагу.

Поздно вечером позвонил Илья с неожиданным вопросом: «Как насчет того, чтобы дыхнуть адекватности?»

– Ну ты же знаешь: у неадекватных она всегда в дефиците; поэтому я за.

– Значит, завтра с утра – в Сергиев Посад. Там у меня однокурсник в духовной академии учится. Давно в гости приглашает. Я за тобой в полшестого заеду. Идет?

– А что ж не в пять-то?

– Да ладно, потом отоспишься. На службе побудем. Я давно в Лавре не был.

Раннее утро бодрило холодным ветром... Игорь любил подобные моменты, когда из прошлого веяло насыщенной и полноценной жизнью, и он уже научился доставать нужную дозу оптимизма из таких воспоминаний.

Илья ждал в машине и по старой привычке ночной совы добивал термос с горячим кофе.

– Серега меня давно приглашал приехать, да все как-то времени не хватало, – рассказывал он, демонстрируя чудеса вежливого вождения, – а ведь таких людей нечасто встретишь... Мы с ним в Бауманке вместе учились. Многие ему завидовали: из него тогда уже компьютерный гений откровенно выпирал. Потом на родину работал, даже награду за-

служил. Никто и предположить не мог, что он такой разворот сделает, от физики к философии. Хотя, надо сказать, я не очень-то удивился, когда узнал, что он в духовную академию пошел. Ему всегда всего мало было, он как будто от жажды мучился. Я, кстати, часто вспоминал о нем, когда ты у нас появился, – Илья вдруг неожиданно весело подмигнул Сгорину. – Увидишь: очень интересный человек, глубокий.

Глава 38. Бездна взывает к бездне

День оказался длинным и насыщенным, но Игорь был рад такой здоровой усталости.

Во-первых, он смог воспринимать происходящее адекватно, если употреблять любимое слово Ильи, и в течение дня у него не было «уходов» и «провалов», все еще продолжающих терзать его. А это, несомненно, относилось к разряду высоких достижений. Во-вторых, он сумел взглянуть на себя чужими глазами, как бы со стороны, что приобрело исключительную важность для его личности с тех пор, как начался трудный этап «после». Неожиданно он почувствовал себя даже умиротворенно, непостижимым образом избавившись от мучительных терзаний на то короткое время, за которое можно хотя бы наспех зализать раны и передохнуть.

После обеда Илье позвонили и он, не скрывая разочарования, уехал на работу.

Игорь и Сергей остались вдвоем и продолжали разговаривать еще несколько часов, прогуливаясь по древним каменным дорожкам, пока сырая вечерняя мгла не начала покрывать лавру.

Они жадно и долго обсуждали работу человеческого мозга, спецслужб, а заодно и способы кибербезопасности вместе с секретами психотропных войн.

Дойдя, наконец, до немыслимой ситуации Сгорина, Сергей спросил, быстро взглянув на него:

– А тебе самому не кажется, что ты находишься в квантовой суперпозиции: продолжаешь жить, не выйдя из состояния смерти?

– Напекаешь на то, что я кот Шредингера? Этим меня еще никто не награждал, – Игорь криво ухмыльнулся, слегка опешив от вопроса. – Я, конечно, не сомневаюсь в существовании взаимоисключающих состояний, доказанных квантовыми науками, но...

– Ведь главное в том, откроешь ли ты глаза, – Сергей вдруг горячо перебил его, – а если и откроешь, то проснешься ли. Знаешь, иногда бывает, что встал утром, но не проснулся.

– Да, это когда тебя подняли, а разбудить забыли. Мы в армии так шутили.

– Мудрый окопный юмор? – Разулыбался Сергей. – Между прочим, кот Шредингера находится в вероятностных состояниях, а значит, и в разных точках пространства одновременно. В принципе, как и электрон...

– В принципе, как и мое разорванное надвое сознание, – угрюмо усмехнулся Игорь. – Первое – под кодовым названием «до» и второе – «после». А моя задача – примирить их, чтобы не свихнуться в этой квантовой суперпозиции. Но как из двух целых частей сделать одну? Разрубить пополам и потом соединить? – и не скрывая раздражения, добавил: – А какие половинки выкинуть: правые или левые?

– Ты говоришь о личности... Самому справиться с этим невозможно, не сто́ит и рассчитывать. Опасно. Очень! Иначе залезешь в такую безнадежную глушь, где пленных не берут. Господь из любви к людям закрыл вход туда. Смирись и обращай за помощью к Богу!

Потом Сергей еле слышно произнес, будто про себя: – *Abyssus abyssum invocat.*

– Что? – Игорь остановился, пристально глядя на него.

– Латынь: *бездна взывает к бездне...* Чтобы измениться, уничтожь в себе тьму. Тогда магнит не будет действовать и тебя не притянет.

Глава 39. Треугольник жизни

Они шли какое-то время молча, и Сгорин с удивлением ощущал покой, которым был наполнен монастырский воздух. «Хорошо здесь. Безмятежно. Непривычно...»

Молчание прервал Сергей:

– Кстати, Шредингер считал, что сознание не может быть описано в терминах физики, так как оно есть основа всего.

– Отбросив ложную скромность, скажу, что в этом разрезе я мог бы послужить живым материалом для Шредингера.

– Молодец, Игорь! Юмор – признак крепкой психики...

Похоже, ты много литературы успел перевернуть?

– Пришлось. Искал ответы и в философии, и в медицине, да и куда только ни погружался... даже высшую математику вспомнил, пытался уравнения решать.

– Скажи, а тебе приходилось задумываться о свойствах реальности?

– Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, – ответил Сгорин полушутя-полусерьезно.

– Я имею в виду, думал ли ты над тем, что характеристики созданной тобою реальности будут зависеть от твоих конкретных действий?

– Давай постепенно! Я всего лишь доктор Ватсон, а не Шерлок Холмс.

На лице Сергея появилась широкая улыбка:

– Странно и поразительно, что еще в 1900 году Макс Планк использовал понятие «квант». В 1918 году – Нобелевская премия. Давно, да? А общество до сих пор делает вид, что ничего этого не было, ни премий, ни Сольвеевских конгрессов.

– Каких конгрессов? – Сгорин прервал его.

– В начале прошлого века в Брюсселе стали проводить Сольвеевские конгрессы с участием ведущих физиков и химиков.

– Название какое-то странное.

– Эрнест Сольве был их организатором и спонсором. В Бельгии до сих пор работают его химические предприятия... В 1911 году на первом конгрессе уже стоял вопрос об излучениях и квантах. А на пятом, в 1927, всю обсуждали понятие свободы на субатомном уровне. И это считается началом диалога между религиозным и научным мировоззрениями.

– Я мало знаю на эту тему. Интересно!

– Еще бы! – горячо воскликнул Сергей. – Ведь вопрос о смысле квантовой механики больше относится к философии, чем к физике, потому что пытается раскрыть природу реальности... Религия и наука – две стороны одной медали.

– Считаешь, они настолько близки друг другу?

– Близки? Не совсем. Но соотносятся примерно как вершина и основание треугольника, которые составляют одну

фигуру. Для религии Бог – фундамент. Для науки – вершина.

– Интересный взгляд. Мудрый, – задумчиво сказал Сгорин.

– Это не мой, а Макса Планка, создателя квантовой физики.

– Так в 27-м году пришли к чему-то, относительно мировоззрения?

– Знаменитый спор между Бором и Эйнштейном о сути физики и природе реальности, по мнению участников конгресса, закончился победой Бора.

– И? Что это значит?

– Бор и Гейзенберг утверждали, что не существует никакой, лежащей в основе квантового мира реальности, которая не зависела бы от наблюдателя. Для Эйнштейна же, наоборот, именно такая, независимая от наблюдателя, реальность, и была главным... Позже я узнал историю о смерти его друга Бессо. Эйнштейн сказал тогда: «Теперь Бессо отошел от этого странного мира немного раньше меня. Это ничего не значит. Мы знаем, что различие между прошлым, настоящим и будущим – только стойкая иллюзия».

– Извечный философский вопрос?

– Да уж... Нильс Бор считал, что свет – это не просто частица и не просто волна, а одновременно есть и частица, и волна, то есть представляет квантово-механическую реальность. И какие свойства природы будут проявлены в кон-

кретном случае, зависит именно от самого случая.

– Значит, насколько я понимаю про реальность, она создается под влиянием моих личных параметров?

– Ну да, ты сам ее строишь, и именно от твоих действий будут зависеть ее характеристики... Кстати, Вернер Гейзенберг, который получил Нобелевку уже в тридцатых, считал, что частицы сами по себе не совсем реальны, а скорее образуют мир возможностей и вероятностей, а не вещей и фактов. Улавливаешь?

– Знаешь, в этом ракурсе мне еще не приходилось задумываться о жизни. Интересные, однако, конгрессы и вся эта наука! – улыбнулся Сгорин.

– Хм, а адреналина сколько дает! – будто с сожалением сказал Сергей. – В том знаменитом споре на пятом конгрессе Эйнштейн заявлял, что Бог не играет в кости, а Бор ему отвечал: «Не нам указывать Господу, как управлять миром».

Они долго шли молча, думая каждый о своем. Прерывая тишину, Игорь спросил:

– Не жалеешь, что сменил сферу?

– Наоборот, счастлив просто! Начал видеть и столько о себе узнал...

– Рад за тебя! – И, помолчав, Сгорин добавил: – А общество, которое делает вид, что не было ни премий, ни конгрессов... так ему всегда нужны чудо, герои, яркие вспышки. Да и мало кому хочется ловить рыбу, будучи голодным, и подолгу упражняться с удочкой, – рутинный труд. Есть ее в

готовом виде намного легче и проще. Как говорится, «Хлеба и зрелищ!», ничего нового.

– Это верно. «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было», – так сказано у Екклезиаста. Но человек продолжает быть подобием Бога-Творца, если, конечно, он хочет им оставаться. Свобода выбора есть всегда.

– Я рад нашему знакомству, – Игорь протянул Сергею руку. Тот крепко пожал ее, потом обнял Сгорина со словами:

– Давай, живи!

Удивительно, но впервые после операции по удалению чипа Сгорин почувствовал, как вера в себя, не раз спасавшая его от гибели, и едва было не потерянная совсем, начинает возвращаться к нему.

Он пошел бодрой походкой, с невероятным удовлетворением ощущая почти забытую твердость каждого шага. Оставшаяся позади лавра неторопливо погружалась в густой вечерний туман, через который едва пробивалось тихое монашеское пение...

Игорь остановился и долго еще, как замороженный, смотрел на уходящие в темнеющее небо купола и кресты, пытаясь уловить звуки братской молитвы.

Глава 40 . Сердце и небо

– Войди в свое сердце и найдешь там небо!

– Но как это возможно?

– Сердце и небо – это одно и то же.

Разговор старца с иноком

Ранним утром ослепительный и настойчивый луч, бесцеремонно пробившись через щель в занавесках и по-хозяйски расположившись в комнате, заставил пробудиться крепко спящего Сгорина. Он открыл глаза и с видимым удовольствием подставил лицо яркому солнцу. Потом улыбнулся и, прислушавшись к себе, решил немного пробежаться. Приобретая богатый опыт в долгой борьбе, Игорь научился быть осторожным и потому наметил короткий маршрут.

Пробежка далась не слишком тяжело и, хотя в конце пути усталость все-таки появилась, она несколько не расстроила его: Сгорин уверенно ощущал себя более крепким, чем раньше. Это чувство привело его в настоящий восторг.

На радостях он взлетел по лестнице, но не смог попасть ключом в замочную скважину: неожиданно дверь начала съезжать вниз. Лево́й рукой Игорь попытался схватиться за перила, но они вдруг размякли, и он не сумел их поймать.

Внезапно невероятный холод сковал его изнутри. От ужа-

са стало невозможно пошевелиться, будто само вселенское зло, вырвавшись из недр реликтового сознания, дыхнуло на него гибелью... Сгорин заледенел.

В голове возникло хорошо знакомое и омерзительное воспоминание о каком-то небытии, куда он может попасть против своей воли, будучи попросту похищенным из жизни, которую так жаждет продолжить в качестве нормального человека. Четко понимая, что этот миг становится последней осознаваемой реальностью, все его существо лихорадочно пыталось найти опору, чтобы уцепиться за жизнь...

Вдруг перед ним открылся бесконечный коридор, несомненно, ведущий в вечность.

Глубоко потрясенный, Игорь застыл в онемении...

Постепенно в этом тоннеле времени начала вырисовываться огромная икона, тяжелая, на толстом дереве. Она медленно приближалась с неизбежностью Страшного Суда, становилась все выше, увеличиваясь в размерах, и, казалось, доходила уже до неба.

Он взглянул на нее, преодолев трепет, и узнал тот монастырский образ, тихо освещаемый лампадой, перед которым молился отец Тихон, – «Сошествие во ад». Игорь вспомнил слова монаха: «Если тебе нужен Бог – тяни руку, тогда Христос тебя выведет... даже из ада».

Уже теряя сознание, он напряг каждый нерв и каждую клетку и откуда-то из глубины гибнущей плоти прохрипел: «Господи, помоги мне!»

... Когда Сторин пришел в себя, он сидел на полу у своего порога, прислонившись к стене. Лицо его было мокрым от слез, по лбу лил пот.

Медленно поднявшись, он с трудом открыл дверь, едва удерживая ключ в трясущейся руке, и, сбросив кроссовки, рухнул на диван...

Через пару часов его разбудил сильный и однообразный шум, доносившийся с улицы. Яркое солнце неожиданно сменил дождь, превратившийся в настоящий ливень и низвергающийся на землю гулкими потоками.

Игорь встал и удивился необыкновенной легкости внутри. Он открыл ящик, в котором хранились фотографии из жизни «до», и впервые спокойно посмотрел на Сою. Затем убрал все фото в большой конверт, заклеил его и засунул на полку между книг. Потом достал медальон, подаренный отцом Тихоном, повесил его на шею, надел куртку с капюшоном и вышел под дождь.

Ливень закончился так же внезапно, как и начался, оставив заполненными водой тротуары.

Игорь всей грудью вдыхал насыщенный небесной свежестью воздух, свободно шагая по безбрежным разливам, похожим на море, не замечая ни промокших ног, ни настойчивого холодного ветра.

Когда порывы его вдруг прекратились, водная рябь на огромных лужах исчезла, мгновенно превратившись в зеркало, в котором, как на безграничном экране отразилось небо

с вечно радостными солнечными лучами и облаками, бесконечно меняющими форму.

... Сгорин шел давно и долго. Он не чувствовал усталости и не останавливался.

А под ногами его все ярче и ярче блестело небо.

Примечания

* Гл. 1. Афазия – расстройство речи в результате повреждения определенных зон мозга или нервных путей, ведущих к ним.

* Гл. 2. МРТ- срезы головного мозга. Томографическое исследование мозга, основанное на явлении ядерного магнитного резонанса (МРТ).

* Гл. 5. Диаграммы связей – отображение взаимосвязей между областями мозга, мозговыми нейронами, их функциональностью.

* Гл. 9. Слипёр – профессионал редких способностей, способный подключаться к сознанию и памяти другого человека.

* Гл. 9. Обнуление – уничтожение памяти и всех личностных характеристик.

* Гл. 10. ЭЭГ – электроэнцефалограмма, во время которой регистрируются функции головного мозга.

* Гл. 10. Электрическая активность мозга отражается в виде волн. Активно действующий мозг генерирует бета волны с большой амплитудой и частотой 15 – 40 Гц. Альфа вол-

ны характерны для отдыхающего мозга, частота 9 – 14 Гц. Эта волна имеет еще большую амплитуду с частотой 5 – 8 Гц. Это состояние дремоты или погружения в сон. Дельта волны, характерные для глубокого расслабления, имеют максимальную амплитуду и частоту 1,5 – 4 Гц.

* Гл. 13. Университет Западного Онтарио, Лондон, Канада

* Гл. 13. Журнал Cambridge University Press.

* Гл. 15. *IN VIVO* – проведение опытов на живой ткани или внутри организма.

* Гл. 16. Теодор Бергер возглавляет Центр нейроинженерии при Университете Южной Калифорнии (США), где были разработаны импланты для управления воспоминаниями. Созданы модели, которые переводят сигнал ввода (обучение) в сигнал вывода (воспоминание). Таким образом из полученной информации могут быть сформированы новые воспоминания. При направленной электростимуляции возможно управление процессами сохранения воспоминаний.

* Гл. 16. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского разрабатывает компактные электронные устройства, которые функционируют как биоподобные нейронные сети с живыми биокультурами и воспроизводят свойство синаптической пластичности.

* Гл. 17. Агентство DARPA при министерстве обороны США в последние годы чрезвычайно активно интересуется биологическими образцами славян, в основном, русских. Идет разработка биологического оружия следующего поко-

ления, отличающегося генетической избирательностью по расовому, этническому либо половому признаку. Или же по всем признакам одновременно.

* Гл. 19. «Мозг – посредник между двумя мирами». С.В. Медведев, директор Института мозга человека.

* Гл. 19. «Человек – потенциально бесконечная личность». Священномученик Иринея, епископ Лионский, выдающийся богослов 2 века.

* Гл. 29. Притча о двух лягушках, попавших в кувшин с молоком. Одна из них утонула, а другая так долго барахта-лась, что лапками сбила молоко в масло. Благодаря появившейся гуще смогла оттолкнуться от масла и выпрыгнуть из кувшина.

* Гл. 34. Бертольд Брехт – немецкий поэт и драматург (1898 – 1956).